

Дуглас Роджерс

Недра России

Власть, нефть и культура
после социализма

Современная западная русистика

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Дуглас Роджерс

**Недра России. Власть, нефть
и культура после социализма**

«Библиороссика»

2015

УДК 316.4
ББК 60.56

Роджерс Д.

Недра России. Власть, нефть и культура после социализма /
Д. Роджерс — «Библиороссика», 2015 — («Современная западная
русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6045354-2-4

Книга Дугласа Роджерса рассказывает о нефтяном буме, совпавшем с первыми постсоветскими десятилетиями, и о том, как резко возросшая роль нефти повлияла на различные стороны жизни российского нефтедобывающего региона — Пермского края. Автор исследует совместные усилия государственных органов и нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», направленные на то, чтобы Пермь — в советский период закрытый город, в который вообще не пускали иностранцев и о котором даже жители центральных областей России имели довольно смутные представления, — «вернулась на карту» и даже обрела статус «европейской культурной столицы». Книга предназначена как для специалистов, так и для всех интересующихся российской экономической, социальной и культурной историей постсоветского периода. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.4

ББК 60.56

ISBN 978-5-6045354-2-4

© Роджерс Д., 2015
© Библиороссика, 2015

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие	8
Благодарности	11
Введение	14
Нефтяные регионы	17
Материальность жизненных циклов нефти	19
Корпорации и государства	23
Культурная политика между социализмом и спектаклем	28
Пространства и времена Пермского края	32
Полевые работы, доступ к источникам и изучение нефти	37
Часть I	42
1. Социалистический нефтяной комплекс	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дуглас Роджерс
Недра России. Власть, нефть
и культура после социализма

Посвящается Мелани

Douglas Rogers
The Depths of Russia
Oil, Power, and Culture after Socialism

Cornell University Press
Ithaca; New York
2015

Перевод с английского Полины Шубиной

© Douglas Rogers, text, 2015
© Cornell University Press, 2015
© П. В. Шубина, перевод с английского, 2020
© Academic Studies Press, 2020
© Оформление и макет ООО «Библиороссика», 2021

Слово «depths» из оригинального заглавия книги можно перевести с английского и как «недра, глубины земли», и как «районы, находящиеся в глубине страны, глубинка». – *Примеч. пер.*

Предисловие к русскому изданию

Идея провести в Пермском крае исследование, которое легло в основу этой книги, зародилась у меня в 2008 году, когда мировые цены на нефть достигли своего исторического максимума в 147,27 доллара за баррель, а завершилось это исследование к началу 2012 года. Большая часть текста была написана в 2012–2013 годах, и в 2015 году, когда издательство «Cornell University Press» опубликовало книгу на английском языке, цены на нефть упали примерно до 50 долларов за баррель. Скорее всего, к публикации русского перевода они упадут еще ниже.

В 2020 году некоторые события эпохи нефтяного бума, описанные и проанализированные в этой книге, могут показаться какой-то сказкой. Неужели цены на квартиры правда удваивались и утраивались за несколько месяцев? Неужели в рамках Пермского культурного проекта действительно на эспланаде был устроен веселый «фестивальный пляж» с бассейном и тоннами песка? Узнав во время своих поездок в Пермский край в 2008–2012 годах о странном на первый взгляд отношении к деньгам и культуре в период нефтяного бума, я заинтересовался также воспоминаниями и рассказами о прежних временах: о нефти и промышленности советской эпохи, о протестах горожан против загрязнения окружающей среды, причиной которого в начале 1990-х стал пермский нефтеперерабатывающий завод, о сделках и договоренностях середины 1990-х, которые привели в регион «ЛУКОЙЛ», и о многом другом.

На самом деле чем больше я узнавал и писал, тем меньше был уверен, что моя книга будет посвящена российскому нефтяному буму начала века. Постепенно центральное место в ней начинали занимать две другие темы, которые, как я считаю, весьма актуальны до сих пор. Первая из них – история нефтяного региона, рассказ о том, как на протяжении практически века природные ресурсы влияли на его жизнь – в политическом, экономическом, социальном и культурном смысле. В этой книге его история излагается с точки зрения самого региона, а не с точки зрения Москвы, федерального бюджета или федеральных министерств и компаний. Книга показывает, что в ориентированных на Москву исследованиях упускается важный момент: значение регионов в России велико – причем уже давно, гораздо дольше, чем кажется большинству наблюдателей. С 2012 года в этом регионе произошли новые события, которые могли бы послужить материалом для дополнительных глав, но готов поспорить, что основных выводов книги они бы не изменили. Вторая тема – опровержение распространенного на Западе или, по крайней мере, среди американцев мнение о том, что нефть и нефтяная промышленность в современной России в какой-то мере занимают особое положение по своей социальной и экономической структуре или в своих отношениях с государственной властью. Конечно, справедливо, что у нефти в Пермском крае имеется много важных особенностей, связанных как с советским прошлым, так и с взлетами и падениями постсоветских десятилетий. Эти особенности, однако, вполне можно рассматривать в рамках способов переплетения государства и корпораций, нефти, общества и культуры в современном мире – в том числе в Соединенных Штатах. Это означает, что история пермской нефти может помочь пролить свет не только на историю российской нефти в целом, но и на историю нефти мировой – и на этом я постоянно заостряю внимание в ходе повествования.

К словам признательности, которые уже были мной написаны для англоязычного издания, мне приятно добавить свою благодарность Ксении Тверьянович и ее коллегам по серии «Современная западная русистика» издательства «Academic Studies Press». Никто, кроме разве что меня самого, не потратил на работу над этой книгой больше времени, чем Полина Шубина, работавшая над переводом, и я благодарен ей за ее терпение и бережное отношение к тексту, не говоря уже о десятках обстоятельных комментариев и уточнений к переводу.

Но больше всего я обязан самым разным людям в Пермском крае, которые – с того момента, когда в 1994 году я впервые приехал туда еще студентом, – находили время, чтобы

рассказывать мне о своей жизни и работе. Некоторые из этих собеседников были учеными в самых разных областях – в основном, если говорить об этой книге, в области истории, политологии, этнографии и краеведения. Текст и прилагающийся к нему библиографический список в общем и целом показывают, сколь многим я обязан этим исследователям, но не могут полностью отразить мою благодарность за их энтузиазм, поддержку и неустанную помощь в организации полезных знакомств. По большей части на протяжении этих лет моими собеседниками выступали жители Пермского края из самых разных социальных слоев, которым я выражаю свою глубочайшую признательность. // в официальных интервью, и в ходе случайных встреч на публичных мероприятиях, в архивах, библиотеках, музеях и т. п. я знакомился с их разнообразным опытом проживания в Пермском крае, который я стремился понять и описать, пусть лишь фрагментарно и порой с использованием научного языка, который может показаться им самим непривычным.

На протяжении более чем двадцати пяти лет поездок в Россию, разговаривал ли я с учеными или бизнесменами, с жителями деревень или городов, со студентами или пенсионерами, со старыми друзьями или новыми знакомыми, – многие из этих бесед касались политического взаимодействия США и России и международных отношений в целом. Я часто выражал надежду, что исследование, над которым мы трудились, пусть немного, но сделает Россию понятнее для тех, кто живет в Соединенных Штатах. В 2020 году эта надежда кажется еще более несбыточной, чем когда-либо за прошедшие 25 лет. Но мы, ученые, путешественники и все те, кто находит время, чтобы слушать, должны продолжать попытки.

Д.Р

Северный Хэйвен, Коннектикут

Июль 2020 года

Предисловие

В советский период Пермь была важным центром тяжелой и оборонной промышленности. Здесь производили ракеты для советской космической программы, авиационные двигатели для военного и гражданского воздушного флота и артиллерийские орудия для армии. В Пермском крае, на западных склонах Среднего и Северного Урала, располагались десятки металлургических заводов и нефтяных месторождений, одно из крупнейших в мире калийных месторождений, а также множество тюрем и трудовых лагерей, входивших в систему ГУЛАГа. И все же немногие в Советском Союзе, не говоря уже об остальном мире, знали об этом хоть что-то, поскольку Пермь была закрытым городом. Иностранцев сюда вообще не допускали, а советские государственные СМИ почти не упоминали о ней. Некоторые из моих русских знакомых рассказывают, что, поработав в других регионах Советского Союза и получив указание отправиться работать в Пермь, они оказывались озадачены этими распоряжениями: у них было лишь смутное представление о том, что Пермь находится где-то на Урале. Другие утверждают, что на картах советских времен Пермь вообще не отмечали, хотя я пока не нашел ни одного экземпляра подобной карты. Мне запомнилось высказывание одного из друзей. Пермь, сказал он, «стерлась из сознания» советского обывателя.

Хотя в наши дни Пермский край занимает территорию около 160 000 квадратных километров с населением около двух с половиной миллионов человек – из них около миллиона живут в самой Перми, – порой кажется, что после распада Советского Союза место этой географической локации в восприятии обывателя не изменилось. В начале 2000-х годов на федеральном телевизионном канале выпустили новостной сюжет, посвященный Перми, перепутав ее с Пензой, которая удалена от Перми почти на тысячу километров. А в 2012 году я наблюдал за тем, как один ученый, приехавший в Пермь из Москвы, поставил себя в неловкое положение, заявив, что не каждый – в отличие от него – полетит «куда-то за Урал» читать лекцию. Но ведь Пермь, недовольным шепотом переговаривались слушатели, определенно находится по ту же сторону Уральских гор, что и Москва!

Интерес к месту, которое занимает постсоветская Пермь в России и в мире, возник не вчера. С тех пор как в конце 1980-х годов город открыли для приезжих, пермские политики и бизнесмены постоянно прилагали усилия к, образно выражаясь, возвращению этого города на карту, борясь за федеральные и зарубежные инвестиции. (Например, в начале 2000-х годов при губернаторе Ю. П. Трутнев пермские власти претендовали на статус российской столицы гражданского общества, а при его преемнике, О. А. Чиркунове, – на статус европейской культурной столицы.) Просматривая свои полевые заметки и интервью, собранные за двадцать лет поездок в Пермский край, я отмечаю, что одной из их наиболее устойчивых тем действительно является переустройство пространства: постоянные изменения размеров и названий территорий и районов; качество, направление и ход строительства дорог и трубопроводов; отношения центра и периферии, столиц и провинций. Работая над сбором данных в 1990-х и 2000-х годах, я всюду наткался на карты: от стен залов выставок современного искусства до глянцевых обложек бесчисленных отчетов органов государственного управления и региональных компаний. В 2009 году один журналист организовал серию публичных дискуссий, приглашая на них местных лидеров общественного мнения, чтобы поговорить о «карте мира», служившей для них ориентиром. А одна чиновница, занимавшаяся вопросами финансирования проектов культурного развития в малых городах региона, убеждала меня, что ее задача – помогать людям «найти свое место».

Особенно часто репрезентацией пространств Пермского края пользовались в региональном филиале московской международной нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» – «ЛУКОЙЛ-Пермь». К примеру, на крыше штаб-квартиры компании в центре Перми установили медленно вращающийся глобус, украшенный красными логотипами «ЛУК», которые указывали, в каких

точках мира действует компания. В самом здании в нескольких залах открыли музей компании, одним из экспонатов которого стала большая интерактивная карта районов и городов Пермского края. Нажимая на подсвеченные кнопки, выстроившиеся на ней в ряд, можно поочередно выделять районы, где располагаются производство, очистные сооружения, автозаправочные станции и проекты социального и культурного развития, спонсором которых выступает компания. А если нажать на все кнопки сразу – кто же из школьников, посещающих музей с экскурсиями, не сделал бы именно так? – можно заставить весь регион сиять сверху донизу. Эта музейная карта Пермского края совершенно недвусмысленно указывала, что будущее региона связано с нефтью, а в некотором роде повторяла собственную организационную структуру корпорации «ЛУКОЙЛ» в регионе, но в каком-то смысле она была правдива. В 1990-х и начале 2000-х годов нефть практически вытеснила оборону и металлургию, став крупнейшей отраслью промышленности Пермского края.

Научная карта России тоже очень изменилась за последние два десятилетия, и теперь она отражает результаты гораздо большего числа исследований границ, пограничных областей, краев и окраин, чем когда-либо раньше. Большое внимание еще предстоит уделить изучению глубинной России – *глубинки*. С помощью понятия «глубинка», как правило, описывают локации, лежащие вдали от путей сообщения, наименее развитые, которые кто-то считает безнадежно устаревшими, тогда как другие завидуют устойчивости местных традиций. Глубинкой, безусловно, можно назвать многие отдаленные районы Пермского края, где добывается нефть. С точки зрения многих москвичей и петербуржцев – в число которых, полагаю, входит и упоминавшийся выше ученый, – глубинкой можно назвать весь Пермский край или даже, пусть и в шутку, весь Урал. Слово «глубинка» вошло в обиход в начале XX века, в период продразвёрстки, как и многие другие понятия, используемые в качестве характеристик территории. Эти языковые изменения происходили параллельно с трансформацией глубин России в ином, геологическом смысле – с возрастающей тенденцией к централизации разработки подземных нефтяных и газовых месторождений во всех возможных смыслах. Именно эти недра России – и сами места, которые зачастую рассматривают как удаленные и периферийные, и все более значительные залежи углеводородов в недрах под некоторыми из них – дали название моему исследованию.

Можно сказать, что эта книга является моим вкладом в дело возвращения Перми, Пермского края и его нефтяных месторождений на карту. На протяжении большей части XX века нефть, добываемая из недр Пермского края, питала социалистический политический и экономический строй, не создавший того типа производства, обмена и потребления, который в капиталистическом мире приводил к нефтяным бумагам и спадам – а также к появлению целых библиотек исследовательских материалов об этом. Несмотря на то что Советский Союз занимал важное место среди крупнейших мировых производителей и экспортеров нефти, советские граждане не ощутили на собственном опыте, как прочно нефть связана с общественным неравенством, нестабильностью денежных потоков, головокружением от темпов модернизации или грандиозными культурными событиями – со всеми признаками капиталистического нефтяного бума. Советская нефть не стала фундаментом для возникновения финансово-промышленной элиты, которая могла бы влиять на госструктуры, конкурировать с ними или даже выполнять вместо них функции органов управления. Поэтому – и по многим другим причинам – в Советском Союзе нефти придавали совсем иное значение, чем в таких капиталистических державах, как США, или в нефтедобывающих странах европейской и американской постколониальной периферии – Нигерии, Саудовской Аравии, Венесуэле и т. д.

Эти отличия не исчезли ни после распада Советского Союза в 1991 году, ни в годы экономического подъема начала и середины 2000-х годов. Даже когда нефтяная промышленность Пермского края начала встраиваться в глобальную нефтяную индустрию, этот процесс в значительной степени опирался на практики советского периода и переходного постсовет-

ского – например, в вопросах вертикальной интеграции и принятия программ корпоративной социальной ответственности. Получившаяся в результате гибридная многослойная структура, сочетающая в себе как опыт прошлого, так и инновации, является благодатной почвой для теоретического изучения вопроса о роли нефти в современном мире – и в этой книге я применяю к данному вопросу сравнительный подход. Например, нефтяные компании в постсоветском Пермском крае обрели свое влияние не посредством накопления денежного капитала, а, в отсутствие денег, в условиях бартера и суррогатных валют. К началу 2000-х годов запросы советской эпохи и условия эпохи постсоветской привели к возникновению необычайно тесных связей между региональными органами управления и региональными филиалами крупных корпораций, и эти связи оказывали значительное влияние на различные сферы жизни Пермского края – от инфраструктуры до здравоохранения, от экологии до религии. Особо следует отметить усилия этого союза администрации и бизнеса, приложенные к конструированию региональной идентичности и смысловых миров, названных мною постсоветским культурным фронтом. Этот фронт привел к смещению фокуса внимания местного населения с заводов советской Перми – с их долгой историей административных центров, с их символическим статусом цехов, в которых ковались советские люди, – на нефтяные запасы региона и заключенные в них символические возможности переосмысления роли Пермского края и его жителей. «Жить в Пермском крае» все чаще стало значить «жить в нефтедобывающем регионе» – даже для тех, кто не хотел, чтобы будущее региона было связано с углеводородами.

Само по себе влияние нефти на человеческие представления и возможности вряд ли можно рассматривать в глобальном контексте как уникальный случай. Но советское прошлое вкупе с трансформациями постсоветского периода сделали суть этого влияния в Пермском крае в чем-то отличной от сути такого же влияния нефти в других регионах и странах, хотя в чем-то это влияние неожиданно оказывается очень похожим на то, что мы наблюдаем в других местах. Таким образом, исследование недр России выводит изучение нефти на более широкий, чем прежде, глобальный уровень: внимание следует уделять не только странам первого и третьего мира и их взаимоотношениям в период холодной войны, но и, в еще большей степени, политическим системам XX и XXI веков, в которых нефть играла и продолжает играть значимую роль.

Благодарности

Эта книга вышла в свет благодаря поддержке множества организаций и отдельных людей, хотя ответственность за конечный результат следует возлагать исключительно на меня самого. Полевые работы для этого проекта профинансировали Программа культурной антропологии Национального научного фонда (National Science Foundation Cultural Anthropology Program), Национальный совет по евразийским и восточноевропейским исследованиям (National Council for Eurasian and East European Research) и Центр международных и территориальных исследований Йельского университета (Yale University's MacMillan Center for International and Area Studies), и я благодарен их усердным сотрудникам и координаторам за поддержку и советы. Мэри Смит, Фрэнк Д'Ария и Дженнифер ДеЧелло с факультета антропологии Йельского университета провели меня через тысячи организационных трудностей, тонкостей и форм отчетности, благодаря которым решились практические вопросы организации исследования. Институт перспективных исследований Рэдклиффа при Гарвардском университете, где в 2012–2013 годах я получал стипендию имени Элизабет С. и Ричарда М. Кашин, предоставил мне целый год для работы над текстом, а руководство Йельского университета помогло с организацией поездки в Кембридж. Благодаря Институту Рэдклиффа у меня также появилось множество коллег, послуживших для меня в том году источником вдохновения. Спасибо Брине, Дейзи, Дэвиду, Генри, Джуди, Кэтрин, Мариэлле, Ребекке, Рене и многим другим за дружескую поддержку на протяжении тех моих коротких недель (но долгих дней) в Кембридже. Ваши находчивость и эрудиция дали этой книге больше, чем вы можете представить.

Пермский край многие годы оставался гостеприимным домом для исследователя. Я благодарен кафедре политологии исторического факультета Пермского государственного университета, которой руководит Л. А. Фадеева, за обеспечение организационной поддержки проекта. Публикации преподавателей и аспирантов кафедры оказались просто незаменимы при написании тех глав моей работы, где речь идет о Пермском крае в постсоветские годы, и я особенно благодарен Л. А. Фадеевой, П. В. Панову и Н. В. Борисовой за их уникальные знания и беспримерное желание этими знаниями делиться. Другие мои друзья и знакомые – в их числе ныне покойный Г. Н. Чагин, В. В. Кальпиди, Д. М. Колмогорова, Н. Г. Нечаева, А. В. Шахаев, С. А. и Т. А. Ветошкины, а также Г. А. Янковская – с радостью организовали для меня столько знакомств, затей и восхитительных вечеров, что я не сумел найти время для всех. Особую благодарность я выражаю С. И. Федотовой за то, что она поделилась своими работами – опубликованными и неопубликованными – о Пермском крае и его нефтяной промышленности. А М. Г. Нечаев и С. А. Пономарев, два директора Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ), сделали для подготовки используемой в рамках этого проекта архивной документации гораздо больше, чем входило в их повседневные обязанности. Их преданность делу кропотливого изучения архивных источников по истории Пермского края внушает настоящее благоговение и заслуживает глубочайшей признательности. О. Л. Кутьев, с самого начала видевший потенциал этого проекта яснее кого-либо другого, заслуживает особой благодарности; без него Пермский край уже не будет прежним. Одним из величайших удовольствий в ходе исследований, проведенных для создания этой книги, была возможность улизнуть из Перми, чтобы навестить маленький городок Сепыч, где я проводил изыскания прежде, и побывать в домах своих самых старых и самых дорогих друзей в Пермском крае. Эта книга посвящена совершенно иной теме, чем та, над которой я когда-то работал в Сепыче, но мои друзья, живущие там, наверняка понимают, что в поисках точек взаимодействия между нефтью, властью и культурой в их части Урала я никогда не забывал их воспоминаний и впечатлений, связанных с жизнью в советскую и постсоветскую эпоху.

Также я должен поблагодарить своих многочисленных коллег и друзей, внимательно читавших и комментировавших фрагменты, черновики и наброски, что помогло значительно усовершенствовать эту книгу. Среди них Мариелла Бацигалупо, Маргарита Балмаседа, Барни Бейт, Доминик Бойер, Пол Бушкович, Элизабет Данн, Дэвид Энгерман, Кристен Годзее, Брюс Грант, Крис Ханн, Эрик Хармс, Карен Эбер, Саймени Хоу, Марсия Инхорн, Майкл Кеннеди, Майк Макговерн, Сергей Ушакин, Оскар Санчес-Сибони, Хелен Сиу, К. Сиварамакришнан, Вели-Пекка Тынккинен, Кэтрин Вердери, Майкл Уоттс и Сьюзан Венгл. Все эти годы мне помогала мудрость Билла Келли. Участники лекций и семинаров, проходивших в Университете Майами в Огайо, в Брауновском университете, Миддлберийском колледже, Йельском университете, Пенсильванском университете, Университете Райса, Нью-Йоркском университете, а также в Гарвардском и Чикагском университетах, помогли мне уточнить и в некоторых случаях пересмотреть свои аргументы, – как и многочисленные вдохновляющие беседы с коллегами и студентами на моей родной кафедре. Сара Бринегар, Питер Ратленд, Оксан Баюган и Джулия Хеммент прочитали предпоследний черновой вариант этой книги и оставили комментарии к нему. Глубокие и обстоятельные комментарии Джулии, а также предварительное знакомство с ее собственной книгой о России в 2000-х годах оказались особенно важны на заключительном этапе. Кэтрин Вердери заслуживает специальной награды. Чем дальше я продвигаюсь в своей работе в избранном направлении, тем больше ее пример и поддержка значат для меня.

Сказав о полевых работах и о работе над текстом, нужно упомянуть и подготовку к изданию. Я благодарю Роджера Хейдона из издательства «Cornell University Press» за его энтузиазм, внимательность и скорость редактуры. Я также благодарен Биллу Нельсону за карты, Кейт Мертец за предметно-именной указатель, а также Ким Джамбаттисто и ее коллегам по «Westchester Publishing Services» – за само издание. И. М. Викторов, А. В. Иванов и Ю. Ю. Зайцева дали мне разрешение разместить на обложке замечательную картину Викторова «Трубопровод». Некоторые фрагменты этой книги основаны на моих предыдущих публикациях [Rogers 2011; Rogers 2012; Rogers 2014a; Rogers 2014b; Rogers 2014c], но для этого издания они были разделены на смысловые слои, реструктурированы, переосмыслены и обновлены. Я благодарю издательство «Paradigm Publishers», Американское этнологическое общество (American Ethnological Society), Фонд этнографических исследований Веннера-Грена (Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research), Институт этнографических исследований (Institute for Ethnographic Research) и издательство «Indiana University Press» соответственно за разрешение использовать эти фрагменты здесь. В последние несколько лет мне очень везло со студентами-помощниками: Элизабет Бронштейн, Йен Конвей, Наталия Лэнгбурд, Леонид Пейсахин, Меган Рейс и Дэвид Уилли проверяли многочисленные цитаты, вычитывали черновики и оставляли полезные комментарии по важным и неважным вопросам.

И наконец, я выражаю глубокую благодарность Кэрл, Лео, Мелани, Элле, Кэйдену и Энн за их уступчивость, терпение, поддержку и позитивный настрой. Некоторое время назад мы с Мелани решили воплощать свои честолюбивые замыслы параллельно, а не последовательно, и это, скажу я вам, те еще гонки. Лучшего компаньона я и представить себе не могу.

К вопросу о названиях географических объектов и корпораций, а также о личных именах

За тот период, что охватывает эта книга, Пермский край то увеличивался, то уменьшался в размерах, а также несколько раз переименовывался. Например, с 1940 по 1957 год Пермь носила имя Молотов, и территорию вокруг нее называли Молотовской областью. Для ясности я везде использую нынешнее название, «Пермский край», если только смена названия не важна в контексте высказывания. То же относится к названиям городов, поселков, районов и других географических локаций. С названиями компаний все гораздо сложнее, поскольку отслеживание деталей приватизаций, слияний, приобретений и других видов реструктуризации, приводящих к смене названия, лежит в основе многих моих утверждений. Хочу заверить читателей, моментально теряющихся в хаосе компаний, филиалов и корпоративных подразделений:

многие из моих собеседников тоже теряются. Словарь и приложение, в котором перечислены постсоветские губернаторы Пермского края с указанием на годы, когда они находились у власти, предназначены для того, чтобы читатель мог быстро сориентироваться.

Многие из тех, чьи слова приведены в этой книге, во время наших с ними бесед состояли на государственной службе, являлись сотрудниками корпораций или занимали другие должности и участвовали в беседе в своем официальном статусе; с их разрешения я подписываю их настоящими именами те фрагменты наших бесед, которые предназначались «для печати». Однако подавляющее большинство моих респондентов предпочли, чтобы в тексте я скрыл их имена и другие детали, указывающие на них. В таких случаях я использую более общие описания, предназначенные для того, чтобы скрыть личность собеседника: «один бывший сотрудник», «знакомый», «участник, с которым я говорил» и т. д.

Введение

Нефть, государства, корпорации и культурная политика

Утром 14 сентября 2008 года я проснулся в своей постели, разбуженный сообщением Национального общественного радио США об авиакатастрофе в Перми. Погибло семьдесят восемь человек – все, кто находился на борту самолета компании «Аэрофлот-Норд». Российские СМИ могли добавить к этому лишь несколько сообщений очевидцев, слова скорби о погибших и сообщение о том, что ведется расследование. Слухи, конечно же, не заставили себя долго ждать. Кто-то сказал, что пилоты были пьяны. Другой заявил, что на борту находился армейский офицер, участник чеченской войны, и боевики отомстили ему, взорвав самолет. Один из таких слухов привлек мое внимание летом 2009 года, когда я вновь приехал в Пермь. Кавказские террористы угнали самолет, сказал мне таксист. Они планировали врезаться в здание штаб-квартиры компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» в центре Перми, но не сумели. На пути к цели самолет был сбит, сказал он мне, либо российскими военными, либо службой безопасности самого «ЛУКОЙЛа». Это, добавил он, объясняет не только само крушение, но и то, что расследование проводят тайно. Расспросив своих друзей и знакомых в Перми, я убедился, что эта версия произошедшего была распространена довольно широко, только в качестве предполагаемой цели теракта выступали попеременно здание администрации компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» в центре Перми и крупнейший нефтеперерабатывающий завод «ЛУКОЙЛа» в промышленном районе города, расположенный ближе к месту крушения (а также к аэропорту, в котором самолет должен был приземлиться). На одном интернет-форуме я нашел длинную дискуссию о том, могло ли спланированное крушение самолета на территории завода действительно стать причиной пожара, в котором сгорел бы до основания весь городской район.

Я нахожу эти слухи интересными, поскольку они явно перекликались с нарративом о терактах 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. Только на месте символического центра финансовой столицы под эгидой США здесь оказывался символический центр (или центр переработки сырья, в версии о заводе) нефтяной промышленности Пермского края. А место террористов «АльКаиды», атакующих Соединенные Штаты, заняли кавказские террористы – предположительно чеченские, – атакующие сердце России. Население здесь оказывалось спасено не благодаря слаженным действиям граждан, приведшим к крушению самолета до того, как он достиг своей цели, а благодаря оперативным действиям военных – или, возможно, самой нефтяной компании, располагавшей, согласно этим слухам, ракетным оружием класса «земля – воздух» наравне с Российским государством. Мыслившие в религиозном, мистическом или конспирологическом ключе – как и любители черного юмора – позднее связывали эту авиакатастрофу с ужасным пожаром, произошедшим в 2009 году в пермском ночном клубе, во время которого погибло более 150 человек. Выдвигались и гипотезы о том, кто *на самом деле* управляет происходящим в Пермском крае. В качестве кандидатов выступали Бог, дьявол, различные российские или зарубежные заговорщики, а также конкурирующие уральские турфирмы.

Авиакатастрофа рейса «Аэрофлот-Норд» явно не давала покоя многим жителям Перми и в последующие годы не раз еще становилась темой разговоров. Летом 2010 года в рамках проекта, поддержанного и профинансированного региональным Министерством культуры, на площади перед зданием администрации Пермского края из гигантских бетонных блоков сложили слово «власть» (илл. 1).

Илл. 1. «Власть» Н. А. Ридного, инсталляция, установленная в 2010 году перед зданием Пермского законодательного собрания, в конце эспланады в центре города. Штаб-квартира компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» находится за кадром слева. Фото автора, 2010

Бетонные буквы должны были в игровой форме материализовать то, что обычно нематериально, – так сказать, опредметить власть¹. Оказалось, что власть могущественного Российского государства можно использовать в качестве обычной скамейки. Этот проект был лишь небольшой частью постоянных усилий региональной администрации по превращению Перми в европейскую культурную столицу и тем самым привлечению туристов, чтобы, с одной стороны, диверсифицировать экономику края, находившуюся в существенной зависимости от нефтяных доходов, а с другой стороны – увидеть город в российских и зарубежных новостях, не связанных с авиакатастрофами или пожарами в ночных клубах. Но Катю, мою знакомую, работавшую в десятиэтажном здании краевой администрации, это не повеселило. Когда через пару

---

¹ «Бетон» по-английски – «concrete». «Concretization» – не только «опредмечивание», но и «бетонирование». – *Примеч. перев.*

дней после установки я смотрел из окна ее офиса на бетонные буквы, она с тревогой глядела в небо. «Здесь постоянно летают самолеты, – сказала она, – а эти буквы достаточно велики для того, чтобы их было видно с высоты. Их, наверное, можно увидеть даже на спутниковых снимках Google Earth. Как будто кто-то хочет сделать государственную власть мишенью». Иными словами, если существует хотя бы малейшая вероятность того, что некие неизвестные направили самолет в здание компании «ЛУКОЙЛ-Пермь», расположенное напротив, разве у нее нет оснований выглядывать в окно с тревогой?

Слухи, теории заговора и тревоги интересны в том числе и потому, что они указывают, какие проблемы беспокоят людей в данное время и в данном месте². Следившие за авиакатастрофой 2008 года выявили и объяснили взаимосвязь между проблемами, волновавшими многих жителей Пермского края в первое десятилетие XXI века: возникновение и рост влияния «ЛУКОЙЛа» почти на все аспекты жизни в Пермском крае; тесные связи компании с государственными органами, пусть порой и неоднозначные; формирование новых идентичностей для Перми и всего региона; роль художественного творчества – в том числе произведений публич-арта – во всех этих изменениях; и, что не менее важно, общее ощущение уязвимости и неопределенности. Эти проблемы и взаимосвязи между ними также являются предметами моего исследования. Хотя в своих поисках объяснений я опирался на совершенно иные источники и формы изложения, мне – так же как упомянутым выше таксисту и моей знакомой Кате – хочется составить представление о том, как взаимосвязаны эти проблемы. Мое объяснение – не столь монокаузальное, как «Бог» или «конкурирующие турфирмы», и не столь простое и ясное, как «нефть», «деньги», «Путин» или «советское прошлое», каждое из которых уже породило строго научные или более популярные исследования о современной России.

Найденные мной взаимосвязи пронизывают Пермский край вдоль и поперек и уходят корнями в советскую историю. Они тянутся сквозь музейные экспозиции и борьбу за частную собственность, сквозь нефтеперерабатывающие предприятия и органы государственной власти, налоговую политику и фольклорные фестивали; порой они простираются за пределы Пермского края – вплоть до Москвы и до уровня различных транснациональных корпоративных и культурных связей. Я обнаруживал их в архивах и библиотеках, а также в свидетельствах очевидцев, погружаясь в солидный пласт русскоязычных научных исследований и публицистических изданий, посвященных истории, культуре и современной политической экономии Пермского края. Мое понимание этих взаимосвязей опирается на междисциплинарные научные исследования, касающиеся нефти, государства, корпораций и культурной политики. Все эти разнородные элементы – этнографические, исторические, методологические и аналитические – сконцентрированы вокруг одной проблемы, к которой я вновь и вновь обращаюсь, рассматривая ее с множества различных точек зрения: проблемы становления Пермского края в качестве нефтяного региона.

---

² О конспирологии в России можно почитать у Ушакина [Oushakine 2009a] и Боренштейна [Borenstein 2019]. У Бойера [Boyer 2006] дан превосходный обзор пользы теорий заговора для антропологии.

Нефтяные регионы

Рассуждая о европейской историографии конца XX века, Селия Эпплгейт пришла к выводу, что исследования национального уровня подавляют потенциал исследований региональных [Applegate 1999: 1159]. Практически так же дело обстоит с изучением нефтяного вопроса во всем мире: страны – особенно «нефтегосударства» – принято рассматривать как единицы анализа, несмотря на то что в любом из таких государств добыча, потребление и оборот нефти территориально распределены очень неравномерно. Моя книга входит в число немногочисленных исследований нефтяных регионов, в которых детали анализа региональных процессов используются как основа для анализа более масштабного³.

Под нефтяными регионами обычно понимаются регионы нефтедобывающие – то есть те областные административные и / или политические структуры, на территории которых есть нефтяные месторождения, активно разрабатываемые нефтедобывающими компаниями. Территории нынешнего Пермского края превратились в нефтедобывающий регион в 1929 году, когда здесь случайно обнаружили нефть. После Второй мировой войны эти территории – вместе с соседними Татарстаном и Башкортостаном – стали частью проекта развития «Второго Баку». Так в СССР называли Волго-Уральский нефтегазоносный бассейн, который, по мысли геологов и специалистов по централизованному планированию экономики, должен был стать заменой старым и геополитически уязвимым нефтяным месторождениям Кавказа [Brinegar 2014:264–266]. Добыча нефти в Пермском крае достигла максимальных показателей в конце 1970-х годов, но позднее крупнейшим советским нефтяным центром стала Западная Сибирь. На сегодняшний день примерно в половине из 42 субъектов Пермского края совершаются операции по добыче или разведке нефти, и благодаря новым технологиям бурения и управления нефтяными месторождениями объемы добычи восстановились, хотя они по-прежнему значительно ниже показателей 1970-х годов.

Но становление нефтяного региона может зависеть не только от наличия в нем нефтяных месторождений. Более того, на практике в рамках социалистической политэкономии гораздо более важную роль в экономике региона играла переработка, нежели добыча, и «Пермнефтеоргсинтез», крупный нефтеперерабатывающий завод в Перми, начавший свою деятельность в 1959 году, оказал более существенное влияние на развитие Пермской области конца советской эпохи, чем региональное производственное объединение «Пермнефть». Важность переработки и сбыта сохранялась и в постсоветский период, когда Пермская область пыталась вырваться из глубокого экономического кризиса начала 1990-х годов, реализуя нефтепродукты, полученные в результате переработки, с помощью длинных цепочек бартерного обмена и даже вводя денежные суррогаты, обеспеченные продуктами переработки нефти.

Уделяя внимание становлению нефтяного региона, можно не просто изучить местный колорит или детали, чтобы затем использовать их для более масштабного анализа в рамках исследования системы государственного устройства или нефтяного государства. Я попытаюсь показать, что, проведя теоретически обоснованные исследования в области исторической этнографии и опираясь на данные, собранные только в одном из нефтеперерабатывающих регионов, можно изучить общую картину советской и постсоветской нефтедобычи методами, прак-

---

³ См., например, исследования, проведенные в районах Восточной провинции Саудовской Аравии [Jones 2010], побережья Мексиканского залива [Breglia 2013], дельты Нигера в Нигерии [Watts 2004; Watts 2012], озера Маракайбо в Венесуэле [Tinker Salas 2009], а также в США – долины Ойл Крик в Пенсильвании [Black 2003], долины Сан-Хоакин и бассейна Лос-Анджелеса в Калифорнии [Sabin 2004; LeMenager 2014], побережья штата Луизиана [Austin, McGuire, Higgins 2006]. Рассматривая эти этнографические исследования как региональные, я в первую очередь опирался на работы Сиварам-кришнана [Sivaramakrishnan 1999] и Фергюсона [Ferguson 1999]. Актуальные антропологические данные по регионам можно найти в работах Битюшковой [Bituskova 2009] и Уилсона [Wilson 2012].

тически не применявшимися в многочисленных исследованиях, в основном имевших дело с федеральным центром и фокусировавшихся на политике приватизации, на роли нефтяных доходов в федеральном бюджете или на борьбе олигархов с Кремлем. Исследования, в которых основное внимание уделяется федеральному уровню, мало подходят для 1990-х годов, когда центральная власть в России переживала кризис, а решения и методы, которыми пользовались на уровне регионов (и даже районов), оказывали гораздо большее влияние на определение общего хода преобразований. Даже после возрождения крепкого центрального госаппарата в первые два президентских срока В. В. Путина региональные процессы в нефтяной промышленности остались в гораздо большей степени принципиальными, неоднородными и определяющими, чем большинство из проведенных исследований было в состоянии отразить.

Таким образом, эта книга поддерживает уже устоявшуюся в социальных науках тенденцию, согласно которой в результате исследования региональных процессов в Советском Союзе и России ставятся под вопрос представления о центральном государственном аппарате как о всесильном, тоталитарном и способном управлять событиями в провинции. Я полагаю, что нам следует рассматривать Российское государство как построенное на взаимодействии центра и регионов, причем регионы в нем оказываются движущей силой столь же часто, как центр, – и эти взаимосвязи существовали как в период нефтяного бума начала XXI века, так и в царской России, и в Советской России, пусть и выглядели они несколько иначе. Не случайно, как я покажу в главе шестой, компания «ЛУКОЙЛ-Пермь» часто рассматривает себя в качестве преемника Строгановых – дворянского рода, в царскую эпоху контролировавшего значительную часть промышленности и сельского хозяйства Пермской губернии. Иными словами, на Урале центральная власть издавна опиралась на временные договоренности с местной знатью, чьи проекты, доходы и политика одновременно и ослабляли центральную власть, конкурируя с ней, и поддерживали ее существование⁴.

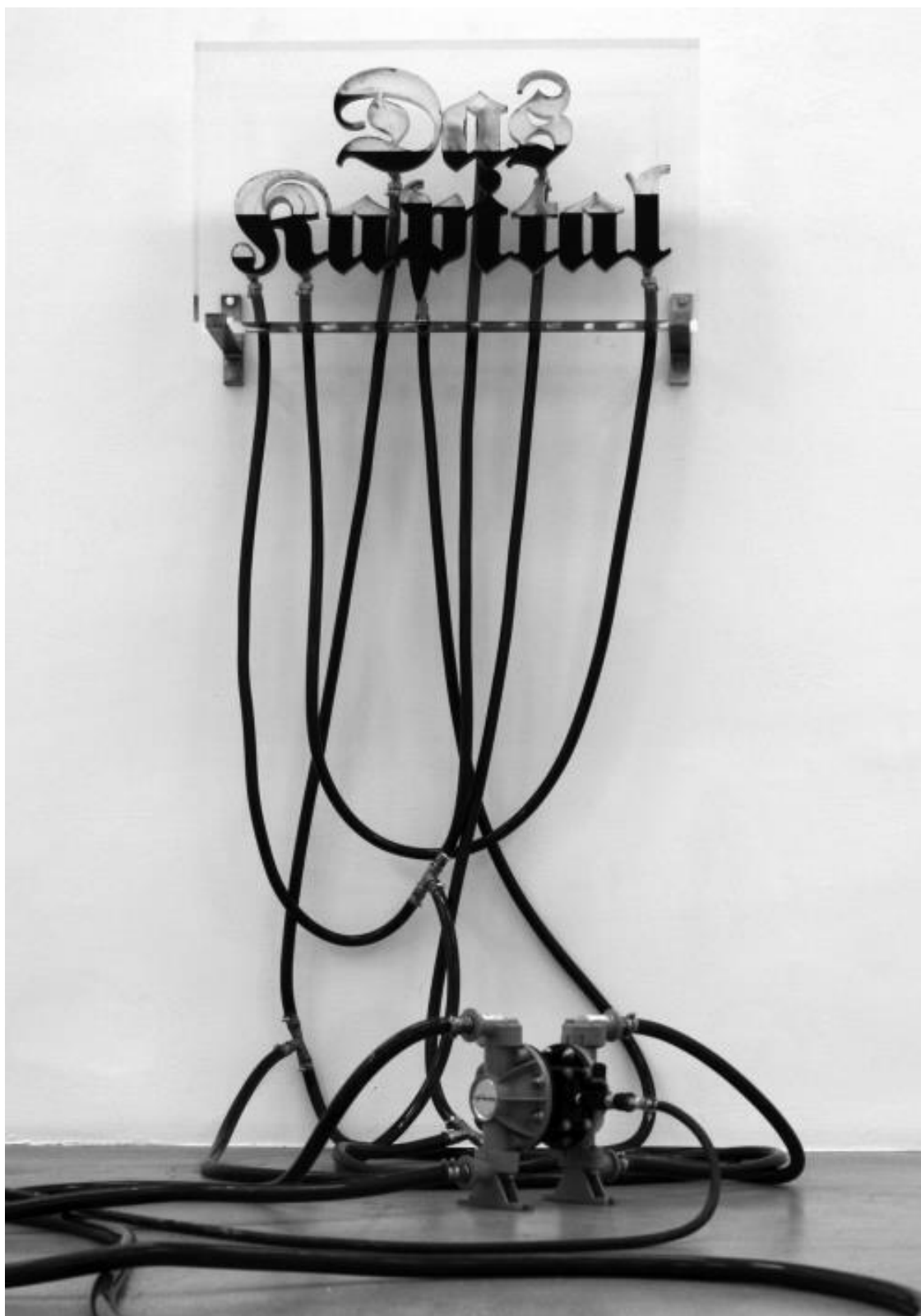
⁴ К источникам по советским и постсоветским регионам я обращусь в соответствующих разделах; особенно рекомендую ознакомиться с работой Евтухова [Evtuhov 2012] и с широкомасштабным исследованием локальных режимов, проведенным В. Я. Гельманом [Gelman 2002; Гельман, Рыженков, Белокурова, Борисова 2002; Гельман, Рыженков 2010].

Материальность жизненных циклов нефти

Важнейшей частью моего исследования, наряду с материальными и символическими следами, которые нефть оставила на советском и постсоветском пространстве Пермского края, являются свойства самой нефти. Для того чтобы уяснить в общих чертах, что я имею в виду, предлагаю рассмотреть работы российского концептуального художника Андрея Молодкина, использующего нефть как выразительное средство. Инсталляции Молодкина, которые привлекли внимание международного сообщества, когда он представлял Россию на Венецианском биеннале 2009 года, обычно представляют собой шумные нефтяные насосы и шланги, перекачивающие сырую нефть сквозь слова, человеческие фигуры и предметы, что в совокупности дает наблюдателю пищу для размышлений. Они призывают задуматься о путях, по которым нефть течет сквозь историю и политику – российскую и зарубежную, социалистическую и капиталистическую (илл. 2), – и позволяют нам увидеть то, что Доминик Бойер называет «энерго-материальными переносами и трансформациями, включенными во все прочие социально-политические явления» [Boyer 2014: 325]. Например, работа Молодкина «*OH Evolution*», которую в 2009 году можно было увидеть на выставках в Европе и Северной Америке, представляла собой несколько прозрачных черепов гоминоидов, частично заполненных пузырящейся нефтью. Казалось, эта инсталляция поднимает вопрос о том, что важнее для человеческого бытия: генетическая наследственность, которую мы обычно связываем с эволюцией человека, или тысячелетняя трансформация живой материи в углеводородное сырье? В работе «*Жидкая современность*» Молодкин продемонстрировал прямоугольную клетку величиной несколько метров в каждом измерении, построенную из прозрачных трубчатых стержней. Расположенный рядом насос ритмично закачивал в них нефть, пространство галереи заполняли его шипение и лязганье. Что, если, предполагает эта инсталляция, вместо канонической «железной клетки» Макса Вебера (1904–1905) [Weber 1958: 181]⁵ главной метафорой состояния модерна сделать клетку нефтяную? Изменит ли переход от железа к нефти – от твердого к жидкому или, возможно, от шахты к буровой скважине – наше понимание структур и действий, экономики и общества?

---

⁵ «Железная клетка» (*iron cage*) – социологический термин, возникший в результате перевода на английский термина Вебера *stahlhartes Gehäuse*. В русском переводе работы Вебера используется более точное выражение «стальной панцирь» [Вебер 1990: 206]. – Примеч. ред.

Илл. 2. «Das Kapital» Андрея Молодкина связывает классический труд Карла Маркса – краеугольный камень для архитекторов социалистических обществ и аналитическую основу для понимания капитализма, все еще не утратившую своей актуальности, – с материальностью жизненных циклов нефти. Андрей Молодкин. Das Kapital, 2008. Акриловый блок, пластиковые шланги, заполненные сырой нефтью, насос и компрессор. 72x90x10 см

Работа Молодкина обретает свою концептуальную силу благодаря использованию некоторых физических свойств нефти и оборудования нефтяной промышленности – насосов и труб – с целью заставить нас задуматься о многочисленных взаимосвязях и преобразованиях, связанных с нефтью. Его произведение привлекает внимание к техническим системам, объединяющим политические и экономические структуры, и к методам, используя которые можно окрашивать, изменять, формировать, наполнять ассоциациями с нефтью слова, концепты и пространства. Оно наводит на мысли о природе формы и содержания, трансформации и связности, времени и пространства. Безусловно, искусство Молодкина затрагивает некоторые общие вопросы социальных наук, связанные с нефтью: взаимодействие нефти, денег и глобальной политики, которые обычно рассматривают в рамках политологии⁶, или производственную инфраструктуру, имеющую ключевое значение для научных и технических исследований⁷. Но оно привлекает внимание также и к материальности нефти в более широком смысле, связывая ее цвет и вязкость с тем, как повсеместно преобразуются под ее влиянием люди и окружающая их среда – от нефтяных месторождений [Rolston 2013] до репрезентации нефти в музейных экспозициях, литературе или кино [Yaeger et al. 2011; LeMenager 2014]. Произведения Молодкина выявляют гораздо больше таких подспудных связей, чем изучение взаимообусловленности объемов экспорта нефти и политических систем, и предлагают гораздо больше способов осмысления зависимости людей от источников энергии, чем данные о количестве добываемой и потребляемой нефти.

В этом отношении полезно сравнить творчество Молодкина, показывающее широкий спектр связей, свойств, трактовок и трансформаций, с бесчисленными исследованиями в области социальных наук, посвященными одному только превращению нефти в деньги. Майкл Росс на первых страницах «Нефтяного проклятия» выражает суть большинства таких социальных исследований нефти, заявляя, что предметом его книги на самом деле является не нефть как таковая, а «необычные свойства нефтяных доходов» [Росс 2015: 28–29]⁸. Пусть и в меньшей степени, но в ряде критических работ в качестве приоритетной темы также рассматривается превращение нефти в деньги и восприятие нефти как товара. «В большей степени, чем любой другой товар, – пишет Фернандо Коронил в своем исследовании нефти, денег и современности в Венесуэле, – нефть является примером как важности природных ресурсов, так и мистификаций, связанных с ними в современном мире» [Coronil 1997: 49]. Коллектив авторов «Реторт», придерживаясь того же мнения, начинает свое исследование нефти замечанием, что если «товар – это экономическая клеточная форма» капитализма, то нефть – «идеальный образец» этой клеточной формы [Retort 2005: 38].

Безусловно, необходимо изучать взаимодействие нефти и капитала и осмыслять особую связь нефти с товарной формой производства – как в России, так и повсеместно. Однако один из тезисов этого исследования состоит в том, что более полное представление о материальности жизненных циклов нефти, подобное предложенному в произведениях Молодкина, позволяет по-новому взглянуть на то место, которое нефть занимает в социальной и культурной жизни человека⁹. Следует упомянуть здесь и исследование Эндрю Аптера, посвященное Нигерии конца 1970-х годов, в котором показано, как черный цвет нефти («черное золото») стал частью той же «матрицы преобразования ценностей» [Apter 2005: 83], что и чернота иного рода: панафриканская черная культура, которую нигерийское государство стремилось возро-

---

⁶ См., например, [Росс 2015].

⁷ См., например, [Mitchell 2011; Barry 2013]. См. также у Ричардсона и Вешкальнис [Richardson and Weszkalnys 2014] об онтологическом подходе к «материальности ресурсов» как постоянно находящимся в процессе становления.

⁸ Об антропологическом видении ресурсного проклятия см. у Берендс, Рейны и Шлее [Behrends, Reyna, Schlee 2011].

⁹ В числе прочих исследований об энергетике в Евразии, в рамках которых удалось творчески объединить государственную и международную политику, политику знаний и культурную политику, а также материальную часть энергетического сектора, рекомендую работы Кеннеди [Kennedy 2008; Kennedy 2014: 195–228] и Барри [Barry 2013].

доть с помощью своих нефтяных доходов¹⁰. Конечно, нет никаких оснований ожидать, что черный цвет нефти станут воспринимать подобным образом на российском Урале, и этого действительно не происходит, потому что в крупных «изобразительных экономиках» [Keane 2007: 18–21] выбор важнейшего качества объекта зависит от множества обстоятельств¹¹. Как говорит Коронил, «в случае с природными ресурсами реально социально значимо то, как именно их материальные свойства наделяет смыслом сеть социальных отношений, сплетающаяся вокруг них» [Coronil 1997: 41].

Такой подход к материальности нефти открывает возможность для анализа на разных уровнях, от частного до международного. Он особенно полезен для понимания сути нефтяного региона, поскольку позволяет объединить геологические, географические, инфраструктурные и изобразительные параметры нефтяной промышленности с соответствующими социальными и культурными преобразованиями, причем в форме, доступной изучению методами этнографии. Например, в главе шестой будет показано, что для Пермского края особую значимость имеет не черный цвет нефти, как в нигерийском исследовании Аптера, но ее расположение глубоко в недрах – особенно благодаря усилиям компании «ЛУКОЙЛ-Пермь», направленным на выстраивание имиджа социально ответственной компании, выступающей спонсором исторических и культурных программ. Во множестве мероприятий в рамках этих программ проводились параллели между глубиной залегания нефти и глубиной историко-культурных традиций, что для жителей Пермского края в начале 2000-х годов стало одним из главных способов переоткрытия своего прошлого и формирования новых представлений о своей культурной принадлежности. Я утверждаю, что во многом именно благодаря этой лексике глубины подразделению компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» по связям с общественностью, отвечающему за проекты корпоративной социальной ответственности (КСО), удалось изменить советские модели формирования идентичности, культурной аутентичности и национальной принадлежности в соответствии с требованиями нового века, пропитанного углеводородами. Сплав легитимности, подлинности и глубинности, которым были насыщены культурные программы компании, оказался устойчив и влиятелен. Даже независимый фестиваль «Камва», о котором говорится в главе седьмой, – культурная организация, во многом критически относившаяся к компании «ЛУКОЙЛ-Пермь», – свои собственные культурные проекты разрабатывал аналогичным образом, привлекая внимание к материальным свойствам предметов, извлеченных археологами из глубин региона, и подразумевая, что они тоже являются важными источниками энергии – шаманской силы древних обитателей пермских земель.

---

¹⁰ Аптер утверждает, что к нигерийскому нефтяному буму и его последствиям в большей степени применима семиотическая парадигма Бодрийера [Бодрийер 2003], поэтому его подход несколько отличается от того, который я использую здесь.

¹¹ Такой подход к определению материальности обусловлен тем, что в антропологии обычно опираются на семиотику Пирса. Отсылаю вас к весьма информативному изложению того, что повлияло на мой подход, в работе Кина [Keane 2003], а в работах Манн [Munn 1986] и Минли [Meneley 2008] можно ознакомиться с общепринятым подходом, который я здесь не разбираю.

Корпорации и государства

Изучение жизненных циклов нефти позволяет по-новому взглянуть на взаимоотношения двух важнейших социальных и политических акторов России: энергетических корпораций и государства. Оглядываясь на события, произошедшие более 20 лет назад, мы можем рассматривать приватизацию предприятий в эпоху Б. Н. Ельцина как процесс создания корпораций – как первые шаги на пути создания новых предприятий, в широком смысле воспринимаемых как экономические, социальные, культурные и политические организации. Многие из этих ранних постсоветских корпораций разорились, но за судьбами многих других – особенно в секторах энергетики и природных ресурсов – можно наблюдать и по сей день. Эти корпорации теперь крепко связаны в различных сферах с государственными учреждениями, причем не только на федеральном уровне, но также – возможно, даже чаще – на региональном и местном.

Я взялся исследовать корпорации и государства, задействуя одновременно две стратегии. Во-первых, важно показать, что эти акторы – «левиафаны», согласно современной и в то же время имеющей многовековую историю трактовке Алекса Голуба [Golub 2014], – это не единичные силы, какими они зачастую пытаются казаться и какими их представляют другие [Welker, Partridge, Hardin 2011: S5]¹². И корпорации, и государства слагаются из различных подразделений, процессов, учреждений, людей и технологий, развивающихся во многих направлениях сразу. Границы и контуры корпорации находятся всегда в движении, постоянно подвергаются сомнению изнутри и снаружи, всегда скорее находятся в процессе становления, а не заданы априори¹³. Приняв все это во внимание, мы лучше поймем, как на самом деле работают и чем различаются между собой корпорации. То же самое верно и для «государства», которое Кэтрин Вердери и Гейл Клигман трактуют как «внутренне противоречивую совокупность институтов, проектов и технологий, а не [как] единый субъект» [Verdery, Kligman 2011: 454]. Поэтому в описанных ниже полевых исследованиях я буду следовать за языком и стратегиями толкования, которыми пользуются мои собеседники, потратившие немало времени – в беседах со мной или друг с другом, – пытаясь разобраться в подвижности информационных сетей, в связях, командах, союзах, кланах, дружбах, трудовых книжках, семейных отношениях, национальных корнях, возрастных группах, деловых договоренностях прошлого, местах рождения, отношениях студентов и преподавателей, кругах поддержки и во всем остальном, что скрывается под безликими ярлыками «корпорация» и «государство»¹⁴. Мне особенно интересно показать, как эти виды социальных взаимодействий могут распределяться в пространстве, изменяться во времени и формировать подразделения или филиалы внутри крупной корпорации или государства, а порой и в области переплетения их функций. К примеру, вы увидите, что все подразделения и филиалы «ЛУКОЙЛа», специализирующиеся на финансовом капитале, промышленном капитале и спонсорской поддержке социальных и культурных проектов, зародились в особом роде сетей социальных взаимодействий, развитие которых можно отследить. В свою очередь, эти сети, постоянно изменяясь, пересекались с другими, формирующими органы

---

¹² Обширный обзор антропологических изданий, опубликованных между 1985 и 2003 годами, проведенный Баллардом и Бэнксом [Ballard, Banks 2003], показывает, что государства, корпорации и местные сообщества все чаще дублируют работу друг друга.

¹³ См. в первую очередь [Welker 2014].

¹⁴ Во многих отношениях первым антропологическим исследованием, в котором использовался этот подход к изучению нефтяной промышленности, стало описание племенной политики в Ливии, сделанное Джоном Дэвисом в эпоху «углеводородного общества» [Davis 1987]. Значимые примеры последних лет можно найти в статье Голуба и Ри [Golub, Rhee 2013] и во впечатляющем анализе государства-рантье Саудовской Аравии, проведенном Штеффеном Хертогом, который смог выделить «институты, социальные группы и социальные сети» [Hertog 2013: 3], способствующие неравномерному распределению нефтяной ренты. Для постсоветского пространства лучшие исследования на тему энергетической ренты и ее роли в формировании различного рода элит принадлежат Маргарите Балмаседе – например, [Balmaceda 2013].

регионального управления – от администрации губернатора до регионального Министерства культуры. В разное время в 1990-х и 2000-х годах эти государственно-корпоративные структуры обеспечивали поставки топлива в Пермский край, определяли задачи социальной политики или поддерживали учреждения культуры.

В любом случае, выделение составных частей и отдельных практик в структурах государств и корпораций сопряжено с некоторыми аналитическими рисками, в особенности с риском упустить из виду важные социальные силы и последствия их действий, который обусловлен широко распространенным мнением о том, что государства и корпорации на самом деле являются единым целым. Огромные социальные и культурные (а также, в добывающих отраслях, экологические) последствия порождает широкий круг участников – от судей до активистов и ученых, включая госслужащих и работников корпораций, – которые своими речами и действиями создают видимость единства государства и корпораций, несмотря на их явную разобщенность¹⁵. Серьезные последствия влияния корпораций на все сферы жизни, особенно в последние три десятилетия глобальных капиталистических преобразований, нельзя объяснить, ограничившись изучением социальных сетей и процессов, которые их составляют [Kirsch 2014].

Потому я также уделяю внимание работе, проводимой в социокультурной сфере в целях проектирования и укрепления связей государства и корпорации, – тому, что Тимоти Митчелл называет «могущественным, почти сверхъестественным эффектом действий, заставляющих поверить, будто такие структуры существуют» [Mitchell 1999: 89], – а кроме того, исследую значение этих связей в процессе преобразования Пермского края. Пермский край 1990-х и 2000-х годов – это среда, пригодная для понимания процессов абстракции, ключевых для создания как «эффекта воображаемого государства» [Abrams 1988; Coronil 1997], так и «эффекта воображаемой корпорации» [Shever 2012: 197–199]. Действительно, условия постсоветского Пермского края, в котором одновременно проходили важнейшие процессы формирования как государственности, так и корпораций, обусловили исключительно тесное взаимодействие между региональными филиалами корпораций и региональными подразделениями российского государственного аппарата в планировании совместных действий, решений и влияния.

Этнографические методы в исследовании мировой нефтяной промышленности широко используются для помещения организационно-правовых форм в исторический контекст и отслеживания их изменений¹⁶. Проведенное Сюзанной Соьер [Sawyer 2006; Sawyer 2012] исследование попыток коренных эквадорцев возбудить дело против компании «Chevron» в суде США показывает, что группы юристов нефтяной компании использовали концепции корпоративной личности и ограниченной ответственности, основанные на полуторавековой истории американского права, чтобы попытаться оградить «Chevron» от предъявленных ей претензий. Удивительно, что подобные представления о корпорации как о личности – например, коренные эквадорцы утверждали, что компания «Chevron» должна нести ответственность, поскольку так поступил бы истинный патрон, – истцы использовали в качестве доводов в суде. Элана Шевер также рассматривает в рамках проведенного ею исследования гендерных аспектов деятельности по развитию и планированию, которую «Shell» вела в Аргентине, длинную родословную корпоративной личности на Западе – от коллективной личности в римском праве до английской концепции «двух тел короля». Шевер сумела показать, что эти концепции, передававшиеся от эпохи к эпохе, отразили даже «повседневную практику определения обязанностей, ответственности и сфер полномочий» [Shever 2010: 30] в Аргентине. На самом деле

---

¹⁵ См., например, [Gal, Kligman 2000: 20].

¹⁶ Подробнее о добывающей промышленности и об особом внимании к КСО см. [Rajak 2011]. Антропология корпораций наглядно изложена у Уэлкер, Партриджа и Хардин [Welker, Partridge, Hardin 2011], а представление Ханна и Харта [Hann, Hart 2011: 155–159] о месте корпораций в возрожденной экономической антропологии XXI века во многом отвечает задачам данного исследования.

само представление о современной капиталистической корпорации, в том числе такие ключевые понятия, как трасты, дочерние компании и вертикальная интеграция, развивалось вместе со «Standard Oil» Рокфеллера, как еще в конце XIX века показала в серии репортажей журналистка Ида Тарбелл [Tarbell 1904] и как описано в «Добыче» Дэниела Ергина [Ергин 1999], наиболее актуальном и значительном исследовании.

Становление корпоративной формы собственности в случае с пермским «ЛУКОЙЛом» мало похоже на западные юридические и деловые практики, распространяемые по всему миру международными нефтяными компаниями с евро-американскими корнями, и в значительной степени продолжает в 1990-х годах пути развития советских социалистических государственных предприятий. Следует отметить, что «ЛУКОЙЛ» и другие российские нефтяные компании прилагали немалые усилия, чтобы сравняться со своими западными аналогами и зарекомендовать себя как целиком и полностью международные предприятия – как в отношении юридической и корпоративной структуры, так и во всем остальном. Мировые стандарты отчетности и прочие регламенты предъявляют к выходящим на западные рынки капитала серьезные требования. Западные нефтяные компании также активно ищут партнеров и вкладывают деньги в совместные предприятия на территории бывшего советского мира, стремясь попутно насадить в России предпочтительные для них корпоративные формы и действуя, в широком смысле, так же, как и в любой другой части света. Другими словами, на постсоветском пространстве есть где развернуть исследование способов, при помощи которых мировая нефтяная индустрия стремится – и зачастую успешно – стать «модульной» [Appel 2012a], то есть полностью самодостаточной и не зависящей от социокультурного контекста, в котором находится.

Но другие аспекты выбранной мною проблемы заставили меня обратить не меньшее внимание на судьбы советских типов корпоративных форм в 1990-е и 2000-е годы. Во-первых, «ЛУКОЙЛ» унаследовал от советской нефтегазовой промышленности больше, чем многие другие российские нефтяные компании: его зачастую рассматривают как главное на постсоветском пространстве убежище советских нефтяников. Поэтому он предоставляет материал для анализа как перестройки советских корпоративных форм, так и заимствования западных. Во-вторых, несмотря на то что Волго-Уральский нефтегазоносный бассейн, на территории которого расположен Пермский край, в 1950-70-х годах был в Советском Союзе лидером по добыче, к 1980-м годам он уже пришел в упадок. Поэтому он никогда не представлял интереса для крупных западных нефтяных компаний, чье внимание в то время было сосредоточено на Каспии, Сибири и российском Крайнем Севере. Таким образом, в поворотные 1990-е годы, когда приватизация и ее незамедлительные последствия привели к созданию множества новых организационно-правовых форм, нефтяная промышленность этого региона в гораздо большей степени руководствовалась собственными местными интересами и управлялась региональными корпорациями, чем, к примеру, нефтяные и газовые месторождения острова Сахалин или проекты экспортных трубопроводов в Европу. Не случайно «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг» – международное подразделение «ЛУКОЙЛа» – в течение многих лет базировалось в Перми, и в нем все еще работает огромное число бывших пермских нефтяников – даже после того, как центральное управление компании переехало в Москву.

Также важно отметить, что те аспекты формирования и развития компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» как корпорации, на которых я намерен остановиться, не всегда могли нравиться (или даже просто демонстрироваться) международным наблюдателям или, если уж на то пошло, федеральным властям России. Региональные коалиции и закулисные приватизационные сделки, обширные временные бартерные цепочки, а также местные особенности организации и кадрового обеспечения проектов развития – всех этих тем мы будем постоянно касаться в следующих главах – оставались сферами, где заимствованные западные представления о корпоративном бизнесе оказывались менее значимы и востребованы, чем в других филиалах «ЛУКОЙЛа» или в сферах деятельности компании, предназначенных для наблюдения со

стороны мирового сообщества. Само понимание этих различий между внутренним и внешним устройством корпорации показывает, что возможно изложить историю постсоветского предпринимательства, не втискивая его в рамки обобщенного западного или мирового стандарта. Это, в свою очередь, позволит нам увидеть, что советская история и ранние постсоветские пути развития сохраняют свою актуальность для нашего восприятия российской нефти в XXI веке.

Особенно полезно знать эту историю, например, для того, чтобы понять важность события, произошедшего в Пермском крае в 2000-х годах: принятия и внедрения предприятием «ЛУКОЙЛ – Пермь» ставшей теперь общепринятой практики корпоративной социальной ответственности¹⁷. В главах четвертой и пятой мы увидим, как мероприятия компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» в области КСО, посвященные всевозможным культурным, экономическим и экологическим проблемам Пермского края, с начала нового тысячелетия набирали обороты параллельно с восстановлением региональных органов власти. Это сотрудничество бизнеса и власти сменило программы развития гражданского общества, в 1990-е годы финансировавшиеся международными организациями по оказанию помощи, переняв многие из их функций (например, проведение конкурсов грантовых заявок) и добавив к ним другие (например, включение создания имиджа компании в программы развития).

К середине 2000-х компания «ЛУКОЙЛ-Пермь» охватила своими программами КСО всё – от здравоохранения до экологии, от спорта до культуры – и уже открыто разделяла с региональными органами власти функции главного координатора и распределителя полномочий в различных сферах социального взаимодействия, а эти роли в социальной теории чаще ассоциируются с государством, чем с корпорацией¹⁸. В результате возникло некое единое пространство влияния государства и бизнеса, в котором – по крайней мере, первоначально – было трудно отделить государство от корпорации, поскольку и по отдельности, и вместе они стремились изменить социокультурный уклад Пермского края. Лишь позднее, в конце первого десятилетия XXI века, «ЛУКОЙЛ-Пермь» и Пермский краевой государственный аппарат стали заметно отдаляться друг от друга, и с этого времени результаты их деятельности становятся легче дифференцировать. Ключевые моменты этого процесса изложены в главе восьмой, где основное внимание уделяется общей попытке создать для Перми новый образ постиндустриальной европейской культурной столицы.

Наконец, необходимо упомянуть о сложной проблеме государств, корпораций и неолиберализма. Многие из рассматриваемых в этой книге вопросов – от приватизации до КСО, от новых гибких режимов труда до усилий по превращению Перми в культурную столицу – в известной степени можно назвать аспектами неолиберализма или неолиберализации¹⁹. Можно предположить, что в каждом из этих случаев мы сумеем распознать переработанное и переформулированное понятие государства, а также возрастающую значимость различных форм предпринимательского или корпоративного капитализма – что служит довольно удобной сжатой характеристикой неолиберализма. Однако для обоснования этого утверждения потребуются сформулировать детально разработанную и цельную теорию, что выходит за рамки задач этой книги; к тому же количество источников, посвященных проблематике неолиберализма, уже достигло таких показателей, что даже анализ, необходимый для установления связи двух

---

¹⁷ О разнообразных проектах, которые зачастую определяли как КСО, см. у Олда, Бернштейна и Кашора [Auld, Bernstein, Cashore 2008]. Об этнографических и смежных с ними подходах, повлиявших на мой подход к КСО, см. у Барри [Barry 2004]; Уотса [Watts 2005]; Кирша [Kirsch 2007, 2014]; Уэлкер [Welker 2009]; Раджак [Rajak 2011]; и Уэлкер и Вуда [Welker, Wood 2011]. О странном отсутствии государства во многих исследованиях КСО см. в работе Бонда, Канг и Муна [Gond, Kang, Moon 2011].

¹⁸ См., например, [Манн 2018; Бурдые 2007].

¹⁹ Действительно, Сойер [Sawyer 2004] и Шевер [Shever 2012] именно так позиционируют свои этнографические исследования нефтяной промышленности, и я убежден, что анализ отношений государств и нефтяных компаний, который дает превосходный материал для теоретической оценки роли государства и корпорации на ранних стадиях капитализма, также можно использовать и в оценке его современного состояния.

элементов – таких как гибкие режимы труда и КСО, – требует значительной этнографической и теоретической подготовки (в двух исследованиях это проделано достойно: см. [Smith, Helfgott 2010; Venson 2012]). Я предпочитаю просто оговорить, что все изменения, информация об исследовании которых изложена в этой книге, так или иначе связаны с глобальными трансформациями природы капитализма на протяжении последних четырех десятилетий, и указать там, где, по моему мнению, необходимо, как это произошло. Думаю, что попытка осмыслить все это в рамках теории нелиберализма лишь затруднит понимание читателя.

Культурная политика между социализмом и спектаклем

Культура в Советском Союзе была, по выражению Брюса Гранта, «тем, что нужно произвести, изобрести, построить или реконструировать» [Grant 1995, xi]. Действительно, культурное производство оставалось в центре внимания всех социалистических государств: от самых первых усилий большевиков по созданию новых пролетарских форм театрального и визуального искусства и до национальных идеологий, которые, как это ни парадоксально, способствовали как укреплению легитимности социалистических режимов, так и, во многом, сопротивлению этим режимам. Поэтому деятели культуры и интеллектуалы всех мастей играли важную роль в становлении социалистических обществ: не случайно одно из основополагающих исследований по антропологии социализма – «Национальная идеология при социализме» Кэтрин Вердери [Verdery 1991] – наглядно показывает работу социалистической политической экономики на примере соперничества интеллектуалов и их представлений о румынской нации²⁰.

Однако перемены, последовавшие за падением социализма, привели к быстрым и радикальным изменениям этого положения, особенно в бывшем Советском Союзе, где некогда стойкая интеллигенция оказалась маргинализирована, а с ней утратили свое значение и многие проекты государственного культурного строительства – социалистические, национальные или их гибриды, – бывшие прежде важной частью сферы ее влияния²¹. Во время полевых исследований на Сахалине в начале 1990-х годов Грант обнаружил, что культурное строительство «лежало в руинах» [Grant 1995:163]. В этих условиях внимание исследователей сфер пересечения культуры и капитализма в бывшем социалистическом мире переместилось от интеллектуалов и их усилий по планированию культурного строительства к ставшей актуальной сфере потребления, что привело к изучению национальных брендов [Manning, Uplisashvili 2007], потребления и товаров массового спроса как национальных символов [Humphrey 2002: 40–64; Shevchenko 2008; Klumbyte 2010] и даже к представлению о нациях как коллективных потребителях [Greenberg 2006]²².

Примеры всех этих явлений можно найти в Пермском крае в постсоветские годы. В начале 2000-х годов к ним присоединилась и зачастую превалировала над ними приобретающая все большее значение сфера культурного производства, в основе которой лежали нефть, нефтяная промышленность и нефтедобывающие районы Пермского края. В главах части третьей описывается это возрождение когорты производителей культуры и менеджеров в сфере культуры – сначала в компании «ЛУКОЙЛ-Пермь», а несколько позднее и в пермской краевой администрации. Однако для того, чтобы разобраться с этими производителями культуры, нам нужно взглянуть не только на их предшественников советской эпохи, но и на некоторые модели культурного производства, которые обычно встречаются в государствах, экспортирующих нефть. Терри Линн Карл однажды заметила, что социалистические государства во многом похожи на государства нефтедобывающие. Она говорила о ключевой роли политики в фор-

---

²⁰ О роли интеллектуалов и деятелей культуры в социалистических системах и первых последствиях их возникновения см. также у Суни и Кеннеди [Suny, Kennedy 1999], Кеннеди [Kennedy 1992] и Конрада и Селеньи [Konrad, Szele-nyi 1979]; об интеллектуалах и нациях в более широком смысле см. особенно: [Boyer, Lomnitz 2005]. Техническая интеллигенция в основном работала в аппарате перераспределительного планирования, в то время как культурная или творческая интеллигенция – в областях искусства, литературы, театра и т. д. Важно отметить, что советское культурное строительство разворачивалось в сфере повседневной жизни и создания более «культурного» народа. См., например, [Kelly 1999; Kelly 2004].

²¹ См., например, [Oushakine 2009b].

²² Этот сдвиг произошел в рамках смены парадигм, связанной с тем, что сам капитализм, похоже, переживает фазу, в которой потребление значит больше, чем производство: исследования, посвященные образу товара, рекламе и брендингу играют главную роль в осмыслении культурного опыта как в постсоветском мире, так и на территориях других государств. «Патриотизм отчаяния» Ушакина [Oushakine 2009a] является примером того, что в исследованиях 1990-х и начала 2000-х годов интеллектуалы и потребление еще могли оставаться элементами одной аналитической структуры.

мировании национальной экономики в ситуации, «когда государству принадлежат основные средства накопления» [Karl 1997:189], но ее наблюдение справедливо и для культурного производства, и, если брать шире, для культурной политики²³. Действительно, многие страны, экспортирующие нефть, имеют особо заметную тенденцию к созданию культурной и исторической идентичности, отчасти потому, что многие из них возникли после освобождения от колониальной зависимости и/или национализации своей нефтяной промышленности. Как отмечает Карл, в дальнейшем рост национализированной нефтяной промышленности, превратившейся в ведущий сектор экономики, сопровождал начальные этапы процесса формирования государства, выдвигая на первый план проекты создания идентичности – порой даже в ущерб культурному производству и культурной политике. Более того, огромные доходы, поступавшие в государственную казну, позволяли нефтедобывающим странам не только порождать повседневную национальную культуру, но и устраивать грандиозные выставки и фестивали, подобные тем, которые Аптер [Apter 2005] и Коронил [Coronil 1997] анализировали в контексте нефтяного бума 1970-х годов и которые позднее воплотились в блистательных деловых центрах Дубая и Абу-Даби, а по мнению некоторых исследователей [Retort 2005] – в мировом порядке вообще.

И. А. Калинин в короткой статье «Прошлое как ограниченный ресурс» прекрасно иллюстрирует некоторые не привлечшие к себе достаточного внимания способы слияния нефти и культурно-исторического производства в России XXI века²⁴. Калинин цитирует, например, комментарий, широко распространявшийся в Рунете в 2012 году:

История сегодня, как бы это сказать, нечто вроде полезного ископаемого. И у нас вокруг не только залежи минералов, не только газ и нефть где-то глубоко в недрах. Под нашими ногами целый океан тысячелетней истории. Верхние пласты буквально сочатся ею» [Калинин 2013: 213].

Метафоры и сравнения, связывающие производство истории с производством углеводородов, продолжает Калинин, можно легко найти в выступлениях президента Путина, таких как речь о нравственном воспитании молодежи в 2012 году:

Как показывает в том числе и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды – это сфера жесткой конкуренции. <...> Попытки влиять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий – это абсолютная реальность так же, как борьба за минеральные ресурсы, с которой сталкиваются многие страны, в том числе и наша страна [Калинин 2013: 214].

Калинин опирается на неоинституционализм Дугласа Норта (как он представлен в [North, Wallis, Weingast 2009]) в сочетании с предложенным Этьеном Балибаром и Иммануилом Валлерстайном определением экономической ренты как владения, в котором доходы зарабатываются без собственного труда владельца [Балибар, Валлерстайн 2003], и утверждает, что российское государство, восстанавливая контроль над нефтяной промышленностью, одновременно пыталось монополизировать и производство российской истории и культуры, финансируя эти свои усилия за счет доходов от нефтяной промышленности. История и культура – две сферы, ресурсы которых являются общим достоянием, но превращаются в источники ренты для элиты, стоящей во главе государственного аппарата. В заключение Калинин иронично предполагает, что будущее – за созданием новой госкорпорации «Росистория» (по образцу

---

²³ Я отложу обсуждение вопроса о том, *был ли* Советский Союз нефтегосударством, до главы первой; если коротко, я думаю, что этот вопрос лишь отвлекает от главной темы и поиск ответов на него лишь затрудняет понимание решающих отличий социалистической нефти от капиталистической.

²⁴ Спасибо Гульназ Шарифудиновой, познакомившей меня с работой Калинина.

государственной нефтяной компании «Роснефть»), задачей которой будет прекратить «срезисированные атаки» на российское прошлое [Калинин 2013: 214].

В середине 2000-х годов в Пермском крае публикация Калинина была бы вполне уместна. Действительно, если рассматривать ее в свете культурного производства в самой Перми и регионе, приведенные Калининскими примеры из 2012 года выглядели бы запоздалыми «переселенцами» на уже густонаселенное дискурсивное и материальное поле. Если бы Калинин писал о Пермском крае в середине 2000-х годов, ему даже не потребовалось бы иронизировать над следом об открытии исторического производства под эгидой «Росистории», потому что главным спонсором исторического и культурного возрождения в Пермском крае в это время была, благодаря своим резонансным проектам в области КСО и активному сотрудничеству с региональным Министерством культуры, именно корпорация «ЛУКОЙЛ-Пермь».

Хотя я рассматриваю некоторые из тех же тем, что и Калинин, мой подход к взаимосвязи нефтяной промышленности и историко-культурного производства в Пермском крае опирается не на неоинституционализм Норта и концепцию ренты Балибара и Валлерстайна, а на уже упоминавшуюся литературу о советском и раннем постсоветском культурном производстве и о культуре как зрелище в странах – экспортёрах нефти. Эта более широкая перспектива позволяет мне показать, что благодаря развитию проектов КСО в компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» появилась новая группа менеджеров в сфере культуры, полем действия которой были как сельские библиотеки и музеи, так и центральные государственные и частные культурные учреждения Пермского края. Многие из этих менеджеров, бывших членов коммунистической партии – в основном комсомола – и советских деятелей культуры, переживали тяжелые времена после распада Советского Союза. Если, как будет показано в главах второй и третьей, в 1990-х годах развивалась структура региональных политических и экономических элит, основанная на альянсе выходцев из сообщества нефтяников советской эпохи и новых финансистов, то в 2000-х годах к этой элите присоединилась набиравшаяся сил сеть культурных менеджеров, чьей задачей была, в немалой степени, легитимизация процессов социального расслоения и отчуждения, становившихся все более заметными.

Изучая способы открытия нового культурного фронта в Пермском крае, мы также можем отметить отклонения от привычных моделей культурного производства, подпитываемого нефтяными доходами. Например, в отличие от формирования национальной идентичности и государственности в постколониальных странах, КСО-кампании предприятия «ЛУКОЙЛ-Пермь» следовали советскому проекту создания «семьи народов» путем осуществления культурных программ в различных районах Пермского края, от южных районов, по большей части заселенных татарами и башкирами, до этнически преимущественно русского населения Севера. Это проявлялось как в способах представления различных национальных идентичностей в качестве дополняющих друг друга, так и в методах создания этой конструкции, многие из которых уже использовались в советский период.

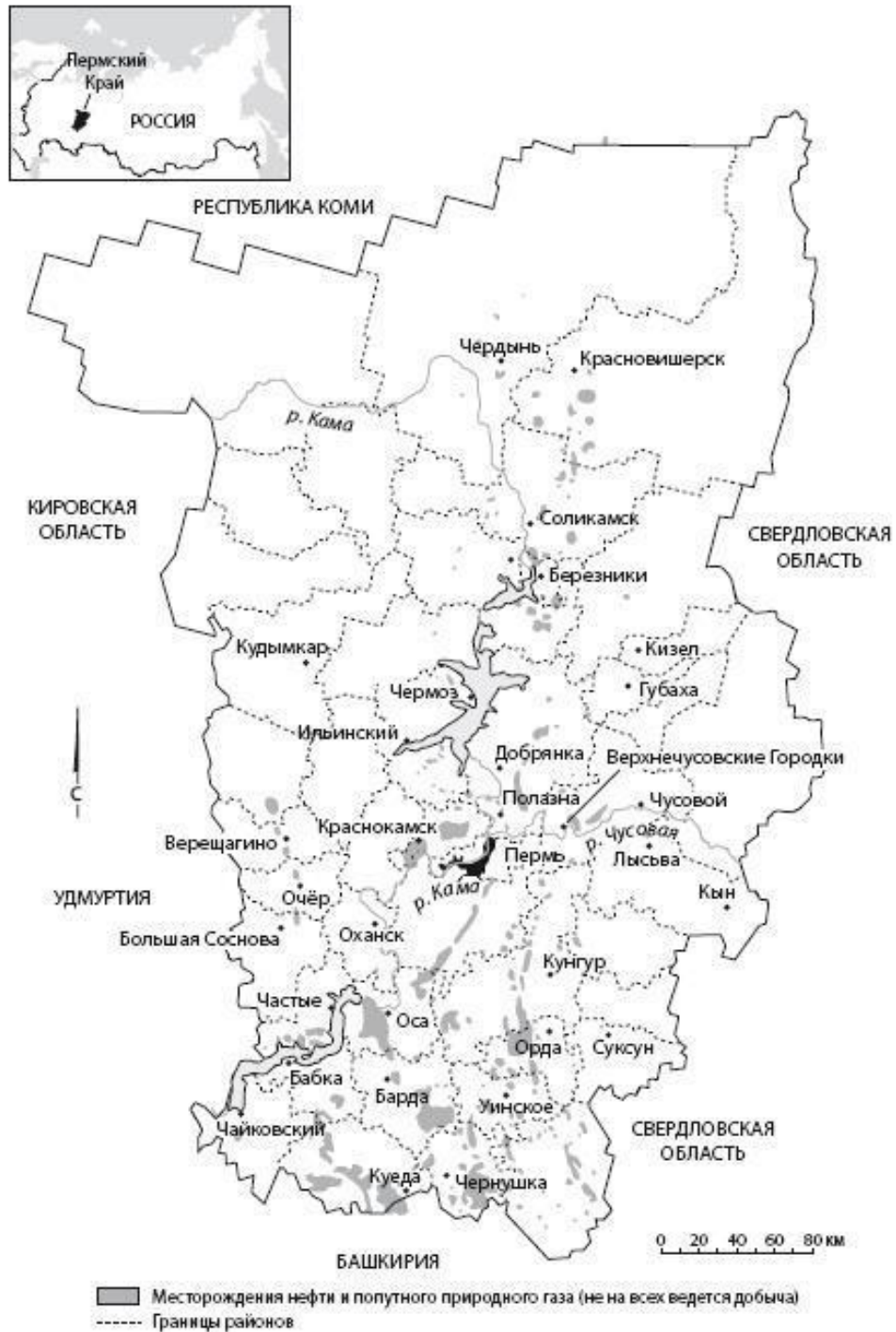
К концу 2000-х годов центр тяжести регионального культурного производства переместился с проектов КСО компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» на шоу общегосударственного масштаба, начиная с альянса губернатора Чиркунова с московскими благотворителями и менеджерами в сфере культуры и заканчивая общим стремлением добиться признания Перми культурной столицей Европы. Пермский культурный проект, в рамках которого в 2008 году был открыт новый музей современного искусства, встретил огромное сопротивление местных деятелей культуры и – по крайней мере, публично – подчеркнутое безразличие компании. В главе восьмой, в которой раскрываются все эти дебаты и конфликты, будет показано, каким образом культурное поле оказывается различными способами, как официальными, так и неофициальными, привязанным к региональному нефтяному комплексу. К примеру, именно те сети и цепи обмена, на которые опиралось в 1990-х и начале 2000-х годов подпитываемое нефтью ощущение связи

с Пермью, теперь бросали вызов новым проектам московских культурных менеджеров и тем новым культурным шоу, что они приносили с собой.

Многие исследователи российской политической арены обращали внимание на то, какое место занимали в некоторых из наиболее глубинных пластов российской государственной политики в эпоху Путина деятели культуры: В. Ю. Сурков, «серый кардинал» путинского Кремля, – писатель, учился на театрального режиссера; К. Л. Эрнст, генеральный директор подконтрольного государству российского Первого канала, организовал и спроектировал множество государственных шоу периода президентства Путина, в том числе церемонию открытия Олимпиады в Сочи; и В. А. Гергиев, художественный руководитель Мариинского театра в Санкт-Петербурге, является видным и влиятельным сторонником президента Путина и идейным вдохновителем российской культурной политики. В своем исследовании я хочу показать, кроме прочего, что такое возвращение творческих людей в российскую политику происходит и на региональном уровне и что подобное положение в регионах следует рассматривать не как простое продолжение федеральной политики в области культуры или культурной политики, а как важнейшую характеристику общего культурного ландшафта, включающего в себя и центр, и периферию. Однако как в случае с взаимодействием государства и корпораций, так и в случае с культурой – из Москвы видна лишь часть картины.

Пространства и времена Пермского края

Пермский край – не статичные декорации, на фоне которых пересекаются различные сферы влияния. Слухи и теории заговора, возникшие в 2008 году после крушения самолета авиакомпании «Аэрофлот-Норд», показали, что процесс создания и преобразования Пермского края не завершен ни в сфере дискурса, ни в материальной жизни. Категории пространства и времени оказались одной из наиболее значимых областей, в которых вновь и вновь комбинируются материальные, корпоративные, государственные и культурные факторы. Потому «где» и «когда» Пермского края – не просто отправные точки, а скорее вопросы, которые я постараюсь изучить досконально.

КАРТА 1. Карта Пермского края с указанием основных локаций, упомянутых в книге

Одной из причин нескончаемого обсуждения пространства – включая, помимо прочего, вездесущие карты и разговоры о картах, которые я уже упоминал, – являются происходящие с ним изменения. 1990-е и 2000-е годы в Пермском крае были периодом значимых территориальных преобразований. Крупнейшим из них стало произошедшее в 2004 году объединение Пермского края (в то время области) с регионом, до того никак с ним не связанным: с Коми-Пермяцким автономным округом. В результате появилось территориальное образование под названием «Пермский край», хотя почти все на протяжении еще долгих месяцев поправляли себя, сказав по привычке «область». На уровне районов территории также довольно часто

объединялись и делились, и постепенно улицы повсеместно утрачивали советские названия и вывески, хотя здесь и не обошлось без разногласий. Управлять регионом площадью больше штата Нью-Йорк, особенно в условиях усиления централизации в начале 2000-х годов, – колоссальная техническая задача. Каждую неделю выборные главы всех районов края ездили в Пермь на машинах, некоторые тратили по восемь часов на дорогу туда и обратно. В те же дни, когда они оставались в своих районных управлениях, им приходилось принимать делегации того или иного ведомства пермской краевой администрации. Эти постоянные перемещения туда и обратно были одним из векторов движения многочисленных обменов, социальных сетей и государственных проектов, которые мною рассматриваются; я утверждаю, что различные структуры, связанные с нефтяной промышленностью, в 1990-х и 2000-х годах помогли создать новые пространственные векторы.

В постсоветскую эпоху время в Пермском крае – так же как и пространство – оказалось изменчивой категорией опыта. В 1990-х годах, в условиях повсеместной демодернизации и экономической инволюции, многие из жителей этого региона имели равные основания верить как в то, что история движется вперед, так и в то, что она откатывается назад²⁵. Однако к началу 2000-х годов рост нефтяной промышленности и увеличение связанного с ней денежного потока способствовали распространению ощущения, что, по крайней мере для некоторых, история ускоряется, – этот феномен отмечали и в контексте других нефтяных бумов. Полевые исследования в рамках этого проекта проводились в основном в 2009–2012 годах, когда феноменальный рост спроса на нефть замедлился, а обстоятельства глобального финансового кризиса заставили многих вспомнить о бурных 1990-х. Находилась ли Россия все еще «в переходном периоде»? Или она входила в новый кризис? Или предшествующий рост цен на нефть в итоге вернул ее на верный путь к светлому будущему? И надолго ли, если вспомнить о небесконечности ресурсов, может хватить нефти – и социальных, культурных, экономических и политических схем, опирающихся на ее извилистые пути по региону²⁶?

Различные аспекты возникновения, распространения и использования тех или иных представлений о времени проявлялись и во множестве других контекстов. О геохронологии Пермского края – приобретавшей все большую актуальность, потому что месторождения нефти занимали все более важное место в региональном общественном сознании, – теперь говорили на публичных лекциях и музейных выставках. Земля Пермского края сообщала представлениям о прошлом и другие возможности. Найденные археологами предметы в «пермском зверином стиле» теперь играли ведущую роль в региональном брендинге; в главе седьмой будет рассказано о том, что изображения стилизованных орнаментов появлялись повсюду: и на модных показах, и на обновленном фасаде пермского ЦУМа. Параллельно и Строгановы, хозяева пермских земель времен Российской империи, переживали новый ренессанс. Повсюду отмечали юбилеи, служившие поводами для значительной части социальных и культурных проектов, о чем будет рассказано во второй половине этой книги: 20 лет «ЛУКОЙЛу», 75 лет пермской нефти, 395 лет Перми, 5 лет Пермскому краю, 60 лет с момента окончания Великой Отечественной войны, 580 лет со дня основания Соликамска.

Подобное представление о хронологии Пермского края позволяет мне критически относиться к исследовательским парадигмам «переходного периода» и «ресурсного проклятия», играющим заметную роль в исследованиях о постсоветской России – в том числе о нефти. Эти парадигмы определяют собственные временные рамки, опираясь не столько на жизненный опыт людей, сколько на прогностические модели социальных наук²⁷. Когда и как быстро

---

²⁵ См. также [Verdery 1996: 204–228].

²⁶ Об антропологических исследованиях взаимосвязи природных ресурсов и понимания времени см. [Ferry, Limbert 2008], а также [Limbert 2010]; в [Rogers 2015] дан более детальный обзор исследований отношения нефти и понимания времени.

²⁷ См. особенно [Weszkalys 2011: 2014].

Россия дорастет до капитализма и демократии? Можно ли предсказать, заставят ли Россию существующие в ней политические принципы и практики вслед за другими странами пережить «ресурсное проклятие» или позволят его избежать [Humphreys, Sachs, Stiglitz 2007; Gelman, Marganiya 2010]? Какие сферы деятельности или территории (России, бывшего Советского Союза, мира) развиваются быстрее или медленнее или до какой степени они уже развиты?

В 1990-х годах излюбленные антропологами категории социализма и постсоциализма послужили для критического переосмысления временных рамок, предложенных теоретической транзитологией²⁸. В последние годы многие сомневаются в том, что эти категории все еще актуальны, подчеркивая, что опыт жизни в постсоветский период уже не так значим. Это, безусловно, правда. Однако, с моей точки зрения, подходы к изучению социализма и постсоциализма всегда включали больше разнообразных теорий, чем этот критический подход позволяет рассмотреть: постсоциализм – это не только опыт жизни после социализма. Таким образом, различие между социализмом и постсоциализмом зависит от контекста, в котором эти понятия используются²⁹. Например, я разделяю нефть социалистического и постсоциалистического периодов, когда мне нужно отследить пути развития государственно-корпоративной сферы, складывавшиеся десятилетиями, и поместить их в глобальный контекст. В других случаях я не говорю об этом различии, но увязываю свои рассуждения с другими релевантными временными периодами, отмеченными мной в процессе полевых исследований: провожу различия между эпохами Ельцина и Путина; между правлениями Игумнова, Трутнева и Чиркунова, губернаторов Пермского края; или между сменявшимися друг друга периодами монетизации и демонетизации. Я также показываю, как различные участники часто ссылаются на исторические периоды, чтобы сократить или продлить время в своих интересах.

Изменчивые времена и пространства Пермского края подчеркивают, что история, изложенная мной в этой книге, весьма специфична и зависит от множества обстоятельств. Как и большинство антропологов, я не утверждаю, что представленные мной результаты этнографического исследования следует рассматривать как частный случай некоего всеобщего опыта. Актуальность и, в широком смысле, значимость такого рода исследований заключается в их аналитической составляющей. В дополнение к теоретическим выводам о материальности нефти, о формах государств и корпораций, а также о культурном производстве, о чем было сказано выше, отдельные обстоятельства и непредсказуемые особенности пермской нефти проливают свет на некоторые важные вопросы советской и российской истории в целом. Например, нефть, обнаруженная в 1929 году в недрах Пермского края, была первой действительно советской нефтью. В отличие от нефтяных месторождений Баку и Грозного, разработанных еще в царской России и ставших советскими после революции, нефть Пермского края – с открытия месторождений в 1920-х годах до устойчивого спада добычи, начавшегося в 1970-х годах, – питала социалистическую политическую экономию. Таким образом, нет лучшего места, чем Пермский край, для изучения вопросов о том, насколько социалистической была советская нефтяная промышленность и в чем состоят ее сходства и различия с капиталистической нефтяной промышленностью того же периода.

По поводу исследования постсоветского периода мне часто говорили, что его лучше было бы провести в Западной или Восточной Сибири или на Крайнем Севере – в тех регионах, где добывается больше нефти и где нефтяных доходов больше, чем в Пермском крае, и потому их гораздо чаще включают в государственные стратегические расчеты и в расчеты россий-

---

²⁸ Транзитология – междисциплинарная научная область в западной науке, опирающаяся на экономику и политологию, которая в 1990-х годах была сосредоточена на быстром «переходе» к рыночному капитализму и либеральной демократии после распада Советского Союза.

²⁹ В этом вопросе я присоединяюсь к ряду других наблюдателей продолжающихся постсоветских преобразований: см. работы Ханна и др. [Hann et al. 2007], Чари и Вердери [Chari, Verdery 2009], Крида [Creed 2011: 5-11] и Роджерса и Вердери [Rogers, Verdery 2013].

ских и международных нефтяных компаний. Несомненно, во всех этих регионах есть масса материала для исследования (см., например, [Thompson 2009; Stammer 2005; Stammer 2011]), но неверно было бы полагать, что регионы с большим объемом нефтедобычи или регионы, почти исключительно зависящие от нефтяных доходов, обязательно являются лучшим местом для исследования нефти. Даже в самые прибыльные годы вклад компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» в бюджет Пермского края не превышал 20–25 %, и эта доля была весьма немалой, но далеко не исключительной³⁰. Именно потому, что «ЛУКОЙЛ-Пермь» не имеет ни в Перми, ни в Пермском крае такого влияния, каким «ЛУКОЙЛ» (и другие нефтяные компании) обладают в нефтедобывающих районах и областях Сибири, проблемы взаимосвязанности нефтяной промышленности с государственными органами и другими сегментами общества яснее всего видны как раз в Пермском крае.

Один из моих собеседников указал на это, тонко пошутив об отличиях Пермского края от Ханты-Мансийского автономного округа в Западной Сибири, где сосредоточено множество нефтедобывающих предприятий под управлением «ЛУКОЙЛа» и других компаний. Там, усмехнулся он, АО (автономный округ) на самом деле означает «акционерное общество». Целый регион страны по сути стал коммерческим предприятием – не то что густонаселенный Пермский край, где государственно-корпоративный сегмент нефтяного сектора был гораздо плотнее и сложнее. К примеру, именно в Пермском крае, а не в Ханты-Мансийском АО впервые под влиянием общественного мнения сформировались принципы и практика КСО «ЛУКОЙЛа». Уже позднее КСО взяли на вооружение в московском головном офисе и в других регионах, где работала компания. То, что в конце 1990-х и начале 2000-х годов пятая часть мероприятий всего «ЛУКОЙЛа» проводилась в Пермском крае, – еще одна причина считать этот регион идеальной площадкой для изучения процессов приватизации и слияния предприятий постсоветской нефтяной промышленности на региональном уровне. Так или иначе, этнографические данные, собранные в Пермском крае, применимы и за его пределами – не потому, что протекающие в нем процессы типичны, а потому, что в этом регионе несколько макропроцессов вместе дали особый набор результатов; сведения об этой конфигурации, а также ее анализ могут многое поведать нам об указанных выше макропроцессах.

---

³⁰ Роберт Орттунг [Orttung 2004: 53] называет Пермский край «неоднородным» регионом, являющимся базой для целого ряда крупных предприятий помимо «ЛУКОЙЛ-Пермь».

Полевые работы, доступ к источникам и изучение нефти

В главе второй я познакомлю читателя с бывшим сотрудником Пермской товарной биржи, который помог мне разобраться во многих аспектах взаимодействия государства и бизнеса на территории Пермского края в начале постсоветской эпохи. Наша первая беседа началась с обычного предупреждения интервьюируемого, узнавшего, что его будут спрашивать в том числе о нефтяных сделках и товарообмене начала 1990-х годов: «Все это на уровне только слухов, домыслов и прочее. Документов там не найти. Все это не документируется». То же самое говорили некоторые мои ученые коллеги в Соединенных Штатах. Например, когда я описал эту часть плана своей работы опытному политологу, он попытался осторожно убедить меня, что такое исследование невозможно. Сделки были слишком непрозрачными, их ключевых игроков зачастую убивали, данные подчищали. Таковы были условия «дикого капитализма» 1990-х годов, и с этим мало что можно сделать – особенно, по его словам, в российских регионах. Думаю, я сумел узнать больше, чем он полагал возможным, и, что важнее, нашел способы для анализа и теоретической оценки формы и роли сложившейся в России нефтяной корпорации, не требующие точных данных о таинственных акционерах, количестве денег, проведенных через банковские счета на Кипре или в Швейцарии, или о том, как были или не были обмануты налоговые инспекторы.

Однако и мой собеседник с Пермской товарной биржи, и мой коллега-политолог были во многом правы, и я уверен, что многое осталось вне моего поля зрения. Ведь даже в гораздо более стабильных, чем в России 1990-х годов, условиях государства и нефтяные компании являются одними из самых закрытых в мире структур, и поэтому вопрос о «нефтяной туманности», как Коронил [Coronil 2011] охарактеризовал его в работе о политических интригах в Венесуэле, заслуживает особого внимания и как методологическая проблема, и как предмет анализа. Для начала стоит напомнить, что этнограф никогда не получает полного доступа к информации. Проведя целый год за сбором данных в очень гостеприимном маленьком селе – в обстановке, на первый взгляд, гораздо более удобной для исследователя, чем на крупном капиталистическом предприятии в секторе добывающей промышленности, – я могу сказать, что многие вещи остаются невысказанными, неизученными, скрытыми, неуместными для упоминания в разговоре с исследователем (или с кем угодно) не только в том случае, когда темой исследования является нефть³¹. То есть проблема не столько в степени приближения к воображаемому идеалу доступа к информации, сколько в том, соответствует ли собранный в ходе полевых работ материал тем вопросам и аргументам, что были поставлены и выдвинуты в ходе общего анализа.

Начало этому исследованию было положено благодаря предложению моего давнего друга из Пермского края, Олега Леонидовича Кутьева. Мы познакомились с Олегом Леонидовичем в конце 1990-х годов, когда он занимал пост главного специалиста Департамента культуры и искусства в администрации Пермского края. Проведенные им важные и обширные исследования по истории Пермского края, включая работы, касавшиеся старообрядческих сообществ, интересовавших меня в то время, сделали его незаменимым консультантом в работе над моей первой книгой. Когда я был в Перми летом 2004 года, Олег Леонидович удивил меня, сказав, что он сменил должность и теперь работает в компании «ЛУКОЙЛ-Пермь», где курирует гранты в рамках организованной компанией развивающейся программы по финансированию социальных и культурных проектов. Однажды летним вечером в одной из уличных пивных, которые в то время заполняли набережную Перми, Олег Леонидович сказал, что мне просто необходимо заняться проблемами нефти, общества и культуры, над которыми он работает, что

---

³¹ Я благодарен Стюарту Киршу за то, что он поделился своими соображениями по этому вопросу.

эта работа стала одним из самых интересных дел, которыми он занимался, и что он каждый день видит Россию по-новому. Есть вещи, сказал он, о которых ни он сам, ни другие не могут рассказать мне и не расскажут, а во многое он и сам не посвящен, но его руководство, скорее всего, одобрит исследование инновационных социальных и культурных проектов компании. Он сказал, что я познакомлюсь со всеми важными людьми в Пермском крае, если уделю пристальное внимание происхождению, финансированию и реализации осуществляемых в течение года проектов компании «ЛУКОЙЛ-Пермь». Цикл этих процессов, пошутил он, почти не отличается от сельскохозяйственного цикла, к которому я привык в рамках уже проделанной мной полевой работы.

К тому времени, когда я составил проект исследования, основанный на этом предложении, нашел финансирование и организовал себе исследовательский отпуск для проведения полевых работ – на что ушло несколько лет, – Олег Леонидович уже не работал в компании «ЛУКОЙЛ-Пермь». Он был уволен в 2006 году, когда после смены руководства компании из западносибирского подразделения «ЛУКОЙЛа» для управления деятельностью компании в Пермском крае перевели совершенно новую команду менеджеров. В третьей главе я покажу, что эта перестановка, скорее всего, была попыткой «большого “ЛУКОЙЛа”» – так обычно называют московскую холдинговую компанию, дочерним предприятием которой является «ЛУКОЙЛ-Пермь», – несколько охладить отношения предприятия и администрации Пермского края, ставшие чересчур теплыми в 1990-х и в начале 2000-х годов. Вместе с работой Олега Леонидовича у меня пропал и доступ к большей части источников информации, на который я рассчитывал, разрабатывая первоначальный план исследований. И пусть в море оказавшихся под угрозой связей я был лишь ничтожной мелкой рыбешкой, для всех действовал один принцип: к 2006 году отношения и связи, создававшиеся в Пермском крае на протяжении десятилетий, и для меня, и для многих других утратили ту роль путей доступа к нефтяной промышленности, которой обладали еще парой лет раньше. Выяснилось, что я мог располагать доступом лишь к довольно скромному объему информации внутри самой компании «ЛУКОЙЛ-Пермь» – как во время коротких поездок в летние месяцы 2008–2012 годов, так и в ходе более длительных поездок в 2009–2010 годах, – и в подобном же положении в Пермском крае оказались многие другие: и журналисты, и ученые, и государственные служащие отмечали эти последствия смены руководства. Перед визитом в музей компании «ЛУКОЙЛ-Пермь», в который отовсюду привозили школьников, меня даже довольно нервно попросили ничего не снимать и не делать заметок во время экскурсии.

Хотя я до сих пор жалею, что не получил того доступа к информации, который хотел организовать для меня Олег Леонидович, невозможность работать напрямую с компанией «ЛУКОЙЛ-Пермь» открыла мне другие перспективные направления, позволившие мне шире взглянуть на сложную сферу взаимодействия культуры и энергетики (не только нефтяной) и давшие возможность проследить за комплексом длительных изменений – как в государстве, так и в корпорации. Вместо того чтобы заниматься сбором данных на предприятии, как планировалось изначально, основное внимание я уделил проведению интервью с бывшими сотрудниками компании и многими другими жителями края, имевшими дело с компанией в том или ином качестве. Для изучения некоторых аспектов государственной и корпоративной деятельности я пользовался расширенным спектром методологий и подходов, включая архивные и библиотечные исследования, и в процессе начал осознавать важность истории советского и раннего постсоветского периодов для более широкого круга вопросов, к пониманию которых я лишь приблизился. Теперь я посещал гораздо больше различных культурных мероприятий и шоу, чем планировал изначально, прилагая все свои силы к наблюдению за Пермским культурным проектом: на каждом представлении собирались и его сторонники, и его противники.

Гораздо чаще, чем предполагал ранее, я теперь беседовал с различными государственными служащими, проходившими через процесс реорганизации параллельно с реструктури-

зацией управления в компании «ЛУКОЙЛ-Пермь». Если говорить о государственных органах и учреждениях, то среди российских регионов Пермский край постсоветской эпохи по праву обладает репутацией относительно открытого. Возможно, это побочный эффект усилий, прилагавшихся к «возвращению Перми на карту», после того как в течение нескольких десятилетий она была закрытым городом. Я обнаружил, что официальные лица на всех уровнях готовы к диалогу и желают обсуждать, зачастую очень подробно, те проекты, над которыми работают. Познакомившись со мной поближе и не в стенах своих учреждений, некоторые довольно свободно высказывались о механизмах работы региональной политики и экономики Пермского края, давая откровенные оценки всему происходящему. По сравнению с администрациями других регионов, работники органов управления Пермского края – особенно в период губернаторства Чиркунова, когда я собрал большую часть данных, – оказались весьма словоохотливыми: они вели блоги, публичные дискуссии и форумы, сделали традицией привечать российских и зарубежных ученых с их опросами и вели, казалось, бесконечные споры с зачастую критически настроенными местной прессой и интеллигенцией, имевшими свое мнение о проблемах регионального управления. Незаменимым элементом полевого оборудования стал флеш-накопитель для хранения все возраставшего объема публичных отчетов, брошюр и книг, которые больше не издавались.

Это не значит, что привычка все скрывать, которую часто называют принципом работы государственной власти, здесь не проявлялась – прозрачность может быть великолепным покровом, – но мне действительно кажется, что Пермский край в этом отношении обладал определенными особенностями. Один из моих собеседников, рассуждая об открытом форуме, приуроченном к уходу Чурикова с поста губернатора и передаче власти В. Ф. Басаргину в 2012 году, тонко эти особенности подметил. Он сказал, что не очень доволен новым губернатором, но сразу добавил, что тот, по крайней мере, кажется, понимает, как поступать «по-пермски» – то есть давать общественности и уважаемым представителям местной элиты возможность участвовать в обсуждении широкого спектра вопросов. Я постараюсь раскрыть этот аспект регионального управления с помощью данных, приведенных в следующих разделах моего исследования, уделяя особое внимание формированию самооценки пермской элиты, которая создавалась в постсоветский период на базе союзов, связывавших государственную, корпоративную и культурную сферы³². Надеюсь, избранная мной методика позволит поставить под вопрос уже ставший привычным образ единого, авторитарного и безответственного государства, оказывающий влияние на многие исследования о России путинской эпохи.

Готовность сотрудников корпораций и государственных служащих – а также бывших сотрудников и служащих – к разговору со мной частично объясняется тем, что я, по крайней мере первоначально, спрашивал их о том, что они сами хотели обсудить: о государственных и корпоративных проектах, направленных на улучшение социальной и культурной жизни в регионе. Я хотел обсудить и проанализировать эти проекты, сравнить их с другими – из других времен, из других регионов, отраслей и стран, – и это хорошо сочеталось с их собственным стремлением прорекламировать Пермский край и узнать о том, как то же самое делается в других местах. Иногда разговоры на этом и заканчивались, но зачастую они давали начало беседам о тесной взаимосвязи социальных и культурных проектов с другими особенностями взаимозависимости государства и нефти в Пермском крае – с выборами и политикой, с инфраструктурами и преобразованием региональной идентичности в нескольких пересекающихся системах координат. Легкость, с которой разговоры переходили от социальных и культурных проектов к другим вопросам, сама по себе свидетельствует о значимости того, что я рассматриваю в части третьей – «Культурный фронт».

---

³² См. особенно [Фадеева 2006; Фадеева 2008].

Вот, таким образом, несколько вводных примеров тех типов методов и данных, что служат фундаментом данного исследования. Читатель не встретит здесь ни подробных описаний внутренней работы компании «ЛУКОЙЛ-Пермь», ни рассказов о повседневной жизни нефтедобывающих районов Пермского края, сопровождающихся параллельными этнографическими анализами отдельных нефтяных городов или небольших районов в других частях света³³. Чаще всего в разговорах об этом исследовании мне задавали вот какой вопрос: все эти данные о государственных и корпоративных проектах интересны, но как обычные люди реагировали на все эти попытки их переделать? Это важный вопрос, но практики повседневной жизни не являются основной темой данной книги. Антропологи – особенно в последние десятилетия – занимаются не только этими проблемами. Поэтому я не стану утверждать, что изученные мною здесь проекты и процессы одинаково принимались и понимались, а также вызывали сходные отклики на всей территории Пермского края.

Моя позиция по этому вопросу отличается от позиции многих интеллектуалов и ученых в самой Пермской области. В 2011 году в программе «Акцент. Культура» Свердловского областного телевидения (телекомпания «ОТВ») известному пермскому писателю и культурологу А. В. Иванову задали вопрос о его путешествиях по отдаленным районам Пермского края и Урала, описанным как в его романах, так и в культурологических очерках. Иванова спросили, много ли времени он проводил, беседуя с местными жителями об истории и собирая фольклор. Нет, ответил он, эта информация утрачена. Местные жители уже не являются носителями локальной идентичности и не обладают полезными исследователю знаниями об истории, да и подлинного фольклора уже не найти. Они могут знать, где хорошо рыбачить или где найти дрова, но «книжные люди... люди, которые прочитали об этих местах в книгах» теперь стали единственными настоящими источниками информации об историческом и культурном развитии Урала.

Я категорически не согласен. Ранее я написал книгу о том, что жители одного села в глуши Пермского края имеют достаточно развитое и сложное историческое сознание, зачастую ускользающее от внимания случайных, посторонних и так называемых книжных людей – особенно тех, кто ищет его в рамках узких представлений о подлинном фольклоре [Rogers 2009]. Уделив в данной книге основное внимание формированию региональных элит, взаимодействию государства и корпорации, а также тому, как с целью полностью изменить население региона, включающее в себя разные сообщества, разрабатывались социальные и культурные проекты, я очень хорошо осознавал, что рискую – пусть ненамеренно и неумышленно – повторить за Ивановым ошибку в представлении о жизни этих людей. Но я решил пойти на этот риск, чтобы воспользоваться аргументацией иного типа. Роль повседневной практики действительно очень возросла в 1990-х и начале 2000-х годов: в то время, когда общественные структуры и институты были разрушены до основания, жизненный уклад зачастую приобретал огромное значение, что случается нечасто³⁴.

В этих условиях антропологи совершенно обоснованно сосредоточили свое внимание на повседневности, чтобы показать, что для постсоциалистического развития она значит гораздо больше, чем масштабные и в высокой степени отвлеченные планы и проекты, задуманные зодчими переходного периода. Но все изменилось. История, которую я рассказываю в этой книге, в значительной степени повествует о том, как деятельность и проекты формирующейся государственно-корпоративно-культурной элиты приобретали все более осязаемое влияние на перестройку всего региона. Я несколько не сомневаюсь, что некоторые из живших тогда на огромной территории Пермского края принимали, а некоторые – отвергали планы и проекты этой новой элиты и представляемых ею более масштабных сил, противясь их внедрению на уровне

---

³³ В числе монографических исследований подобного типа: [Reed 2009; Auyero, Swistun 2009; Shever 2012].

³⁴ См. [Burawoy, Verdery 1999: 2–3; Humphrey, Mandel 2002].

повседневных практик. Однако я утверждаю, что за два последних десятилетия существенно изменились сами условия возможности принимать, отвергать и сопротивляться. И одной из главных задач этой книги является объяснение той роли, которую сыграла нефть в данных изменениях.

Часть I

От социалистической нефти к постсоциалистической

1. Социалистический нефтяной комплекс Дефицит и иерархии престижа во «Втором Баку»

*Да здравствует уральская нефть, бурно стремящаяся на помощь
рабочим и крестьянам из глубины Земли!
Транспарант на митинге в поселке Верхнечусовские Городки, 1929
год³⁵*

Будет полезно начать с пары нефтяных регионов, имевших большое значение для капиталистического мира XX столетия.

В июле 1929 года в округе Гуадалупе, что в штате Техас, на реке Дарст-Крик, к востоку от города Сан-Антонио, была обнаружена нефть. В самом нефтяном месторождении Дарст-Крик не было ничего особенного или примечательного: к тому моменту нефть в Техасе добывали уже почти тридцать лет. Нефтеносный слой залегал на глубине одной мили на территории прибрежной равнины Мексиканского залива протяженностью в шесть миль и разрабатывался целой группой нефтяных компаний, включавших «Humble Oil and Refining» (позднее ставшую частью «Еххон») и «Texas Company» (предшественницу «Техасо»). К 1930 году здесь пробурили уже 186 скважин, сеть трубопроводов соединяла их с нефтебазами Техаса, и, по оценкам, потенциал ежедневной добычи нефти здесь составлял чуть более 155 000 баррелей³⁶. Однако по распоряжению «Техасской железнодорожной комиссии», ответственной за управление нефтяными месторождениями штата, в Дарст-Крик было разрешено добывать только одну пятую этого объема. Фактически в этом районе Техаса Дарст-Крик стало первым нефтяным месторождением, которое добровольно пошло на искусственное сокращение добычи, работая в рамках широко обсуждавшейся системы производственных квот, призванной избежать перенасыщения рынка и снижения цен.

Искусственное сокращение добычи имеет ключевое значение для добычи и потребления нефти в условиях капитализма. Человечество быстро истощает ограниченные запасы нефти: в рамках текущих моделей потребления нефть рассматривается как абсолютно дефицитный ресурс. Но капиталистическая нефтяная промышленность, как правило, постоянно прилагает все усилия к тому, чтобы *ограничить* объемы нефтедобычи с целью удержать рыночные цены и тем самым обеспечить устойчивость как прибыли, так и налогов, взимаемых с этой прибыли государством. Другими словами, основным принципом выживания и процветания капиталистической нефтяной промышленности всегда было создание дефицита. Но в период Великой депрессии, когда резкий спад усугубил и без того острый кризис перепроизводства, искусственное сокращение добычи оказалось неадекватным средством поддержания дефицита нефти в Техасе. В 1931 году губернатор Росс Стерлинг объявил военное положение и направил войска Национальной гвардии к обширным нефтяным месторождениям Восточного Техаса, чтобы гарантировать, что нефть останется под землей, и вопрос поддержания дефицита техасской нефти быстро стал проблемой национального масштаба [Huber 2013: 27–59]³⁷.

---

³⁵ Эпиграф: [Биккель, Федотова, Юзефович 2009: 27].

³⁶ Подробнее о месторождении Дарст-Крик см. у Смит: [Smith 2010].

³⁷ Так же хорошо известными эпизодами долгой борьбы с перепроизводством являются усилия «Standard Oil» по уста-

Техас по веской причине оказался в центре усилий по предотвращению перепроизводства в начале 1930-х годов. Регион США, включающий в себя Техас и Оклахому, оставался центром мировой нефтяной экономики со времени появления первого нефтяного фонтана в местечке Спиндлтоп, что возле Бомонта, в 1901 году [Ергин 1999: 88–92]. Так продолжалось и в годы Великой депрессии и Нового курса, и в течение десятилетий субурбанизации, роста потребления и мобильности, последовавших за Второй мировой войной. В эти послевоенные годы, когда мировой центр добычи нефти переместился в Персидский залив и борьба с перепроизводством перешла из сферы ответственности «Техасской железнодорожной комиссии» к картелю ОПЕК, техасская нефть все чаще стала ассоциироваться с мифами об американском Западе (и ностальгией по нему). В послевоенные годы бурно разрабатывались нефтяные месторождения в западном Техасе, и, как показывает Карен Меррилл [Merrill 2012], люди, сколотившие себе там состояния, продолжили традиции американского Запада XIX века – с обширными ранчо, ковбойскими сапогами и шляпами, а также коллекциями картин, непременно включавшими работы Фредерика Ремингтона. Они стали символами Америки того времени и играли все более заметную роль в политике США – как и их деньги. К лету 1980 года умы большей части страны – и, как отмечает Меррилл, всего мира – занимал крайне насущный вопрос, в равной степени касавшийся нефти, капитала и техасских махинаций: кто стрелял в Дж. Р.? (Дж. Р. Юинг, вымышленный владелец «Ewing Oil», был персонажем популярного телесериала «Даллас»; в самом конце третьего сезона в него стреляли – и все зрители строили догадки о том, кто из многочисленных врагов Юинга нажал на курок.)

В 1929 году Венесуэла, бурно развивавшаяся на протяжении предшествующего десятилетия, стала крупнейшим в мире экспортером и вторым по величине производителем нефти (после Соединенных Штатов). Нефтедобыча в Венесуэле началась в 1914 году на западе страны, возле городка Мене-Гранде, и в 1920-е годы распространилась вдоль берегов близлежащего озера Маракайбо. Иностранная компания – главным образом подразделения «Standard Oil» и «Royal Dutch Shell» – управляли здесь добычей нефти, и расширение их деятельности быстро меняло Венесуэлу. На национальном уровне огромные прибыли компаний и поиски новых месторождений в 1920-х годах стали толчком к укреплению государства, ранее бывшего в высшей степени децентрализованным. Государство Венесуэлы, прежде практически во всем ассоциировавшееся с личностью президента Хуана Висенте Гомеса, теперь постепенно становилось все богатеющим арендодателем для иностранных корпораций, а это основной путь развития «природоэкспортирующих» государств, в том числе нефтегосударств [Coronil 1997]. В различных нефтедобывающих регионах Венесуэлы появились многочисленные нефтяные поселки, населенные иностранными руководителями, а также работниками – как из числа жителей Венесуэлы, так и мигрантами. Мигель Тинкер Салас утверждает, что эти нефтяные поселки были движущими факторами для социальных и культурных изменений далеко

новлению и поддержанию монополии при Дж. Д. Рокфеллере и, спустя десятилетия, основание Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК). «Особые отношения» США с Саудовской Аравией в эпоху холодной войны и после нее в основном были обусловлены нефтяными запасами и производственными мощностями королевства, настолько огромными, что страна с ними становилась стабилизирующим производителем, способным – по крайней мере, теоретически – помешать кризису перепроизводства путем корректировки собственного производства, меняя мировые цены на нефть в ту или иную сторону (см., например, [Mitchell 2011:200–230]). Широко известные прогнозы истощения планетарных нефтяных запасов в ближайшем будущем или в среднесрочной перспективе – как те, что циркулировали в обществе в период нефтяного кризиса начала 1970-х годов, так и те, что отразились в недавних опасениях о пике мировой нефтедобычи, – также подпитывают опасения в том, что нефть конечна, и способствуют росту прибыли. Гэри Боуден [Bowden 1985] утверждает, что изменение оценок запасов в нефтяной промышленности в 1970-е годы тесно связано с отраслевыми стратегиями накопления капитала и фактически ими поддерживается; об изучении корпоративных стратегий и их связи с текущими дискуссиями о пике добычи нефти см. у Бриджа и Вуда [Bridge, Wood 2010], а подробное изложение стратегий относительного дефицита нефти и накопительных стратегий в промышленности XXI века см. в [Retort 2005: 38–77]. Лаббан [Labban 2008] теоретически осмысливает отношения между добычей нефти и космосом, а Сабин [Sabin 2004] дает представление о сходных проблемах в другом нефтяном регионе США – Калифорнии.

за пределами их хорошо охранявшихся границ [Tinker Salas 2009]³⁸. Расовая иерархия внутри этих нефтяных поселков – с белыми руководителями наверху и венесуэльцами, а также рабочими-мигрантами, занимавшими более низкие должности, – начала трансформировать представления о расе и идентичности по всей стране. В нефтяных поселках зарубежные управляющие обучали венесуэльцев работать в рамках капиталистической трудовой системы и по расписанию, ожидая от них эффективности и своевременности выполнения задач. «Наличие [этих нефтяных поселков], – пишет Тинкер Салас, – резко изменило картину венесуэльской сельской местности и даже крупных городских районов, внося в нее новые типы жилой застройки, новые модели потребления и формы социальной организации, повлияв на моду, отдых, спорт и питание» [Tinker Salas 2009: 170]. Эти новые модели и формы распространились, пусть и неравномерно, из нефтяных поселков вокруг озера Маракайбо на остальную часть Венесуэлы. Они выражались и в «нефтяном столкновении» XX века [Ghosh 1992] между богатыми международными корпорациями, базирующимися в Соединенных Штатах и Европе, и местным населением по всему миру.

---

³⁸ См. также: [Coganil 1997: 109–110].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.